

Журнал «РЕЦ»

№ 50

<http://polutona.ru>

ВТОРОЙ ПЛАН.

**Творчество известных авторов
в необычном для них жанре**

**Выпускающий редактор:
Леонид Костюков**

Содержание

Анастасия Афанасьева	3
Марина Вишневецкая.....	23
Олег Дарк	25
Надя Делаланд	28
Александр Иличевский	34
Константин Кравцов	36
Алексей Кубрик.....	43
Мара Маланова	49

По-моему, иногда ответственность прозаика за свою прозу или поэта за свои стихи идет в ущерб его свободе, заставляет излишне выверять каждый шаг. Пример – сверхорганизованная, неоткровенная проза Набокова. Вместе с тем, в стихах Набоков время от времени позволяет себе быть страстным и откровенным.

Впрочем, авторы скажут и сами за себя.

Леонид Костюков

Я уже озвучивала, что поэт – существо с особым устройством головы, в которой существуют особенные, ну, кто знает, как назвать этот механизм – пусть нейронные связи, отвечающие за появление стихов. Когда что-то в моей голове перестраивается, тихо и глубоко меняется – появляется проза. То есть: потребность – настоящая, живая потребность – писать прозу у меня появляется тогда, когда стихи уходят.

Анастасия Афанасьева

Бегут девочка и пони

Ночи в поезде

Ночи в поезде утомительны. Лежишь на сумке, полной денег и документов, шея болит, плечо болит, проваливаешься в сон ненадолго – и снова выпрыгиваешь из него (каучуковый мячик). Проверяешь, на месте ли сумка. И так всю ночь. До утра.

Я очень хочу найти одну песню. В ней есть слова «I love you, baby», ее использовали в рекламе какого-то пива.

Ночи в поезде на боковой плацкартной полке. Стараюсь лежать лицом к стенке, чтобы проходящие ночью по вагону (чего они, спрашивается, ходят?) не могли увидеть моего лица во сне. И понятно, конечно, что никто на меня не смотрит, но всё равно – отворачиваюсь, просыпаюсь беспокойно и нахожу себя лежащей на другом боку, лицом к вагону, и снова отворачиваюсь.

После ночи в поезде обязательно приходит утро в поезде, которое не начало нового дня, как дома, а продолжение ночи. Окружающее воспринимается через какую-то дымку, нечетко. (Так определяют явления дереализации в психиатрической литературе). Утро в поезде – дереализация.

26.02.2007 7:09

Кому: папа

Вижу купола и статую свободы :)

Папа на смс не отвечает, а звонит. Старшее поколение не дружит как-то с этими всеми кнопками, функциями, электронными штуками. Звонит и спрашивает: «Не понял, ты что, в Нью-Йорк едешь?»

Папа, это украинская статуя свободы, воспринятая сквозь дымку продолжающейся поездной ночи, тревоги и беспокойства, треска по швам.

Поезд Киев-Астана прибывает в Харьков в 1.17 ночи. Пустой плацкартный вагон. В соседнем купе или через одно – пара мужиков пьет пиво. И всё. 12.30, я дремлю на нижней полке. По вагону идут двое цыган: мама и ребенок. Ребенок останавливается напротив моего места и говорит: «Мама, вот». Цыганка гонит его дальше: «Нет, не надо, пошли, пошли». А я не дремлю, я наблюдаю, я на сумке, полной документов. Мама, как всегда, права. Проводник, странный и чумной (после рассказал, что не спал двое суток) зовет в Астану. Говорит, что туда довезет бесплатно, а обратно – нет. Хвастался звонком мобильного. Какая-то песня там у него, тыдымц-тыдымц. Разлегся на соседней полке. Достал зажигалку со встроенным синим фонариком. Помигал им полминуты, комментируя: «Дыскотэка, дыскотэка». В 1.17 на харьковском вокзале, в отличие от московского Курского, почему-то нет ни проституток, ни бомжей.

Мне очень хочется найти одну песню из рекламы пива. В этом ролике они стучали по бутылкам и музыкально дули в них, а потом пели все вместе: «I love you, baby...» Для яндекса это слишком общие ключевые слова, яндекс не помог. Я очень хочу найти такую песню, она так мне нравится.

Кому: Даша
1.03.2007 18.19

Стою за билетом. Километровые очереди на все кассы

Кому: Даша
3.03.2007 00.34

Бурум... Я еду, осталось совсем немного. Так хочется к тебе. Ты ждешь меня?

Кому: Даша
11.03.2007 18.37

Я какой-то растерянный такой. Такой одинокий. Поехали...

Кому: Даша
11.03.2007 19.35

А мне нравится этот поезд. Тепло, не воняет, чай с лимоном принесли

Кому: Даша
11.03.2007 21.04

Мне надо не разрешать сидеть за компом. Меня это истощает и забирает столько времени. При том, что я там только почту проверяю и листаю ленту. Ты мне просто говори. Настя! Комп – вампир твоей жизни. Вандал твоей продуктивности. Рэкетир твоего счастья. И я выключу его.

Кому: Даша

11.03.2007 21.24

Мимо мчится какой-то поезд! Огоньки! Грохот! Всё, промчался.

Кому: Папа

12.03.2007 06.45

Приехала, пью кофе в общаге

Кому: Даша

20.03.2007

Поезд 108, вагон 5. Прибытие в 1.17

Кому: Даша

20.03.07 17.10

Я в поезде. Еду я к тебе. К тебе-к тебе. Еду одна в купе. Супер.

Кому: Даша

20.03.2007 21.09

Стоим в Миргороде. Вижу вокзал, на здании которого написано название города. Так странно: настоящий Миргород. Не в книжке.

Кому: папа

21.03.2007 1.52

Я дома

Дорога воняет носками, дыханием, храпом. Вагонами советского времени на постсоветском пространстве. У дороги вкус чая с печеньем, тактильно дорога представляет собой ощущение от железного подстаканника и твердую стенку вагона, в которую упираются колени. Все люди в дороге одинаково плохо пахнут, скучают или пьют. Ночью в дороге не на что смотреть. Днем в дороге можно видеть ряды одинаковых прижелезнодорожных деревьев и думать о том, что это – очень красиво. Ночью в дороге можно видеть тусклый свет в вагоне, при котором невозможно читать. Можно видеть проводников и цыган. Бабок с кефиром, ряженкой и пивом на железных тележках. Бабок с большими клетчатыми сумками. Девушек и молодых людей с новыми мобильниками. Серьезных дядек с дипломатами. Иногда там и меня можно встретить. Вы не ездили на поездах Харьков-Киев и Киев-Астана в такой-то день и в такой-то час? Если ездили, то возможно мы встречались. А вы, кстати, не знаете – что это за песня, в которой есть слова ай лав ю, бэйби и которую использовали в рекламе какого-то пива? Не знаете?

Тыдымц, тыдымц, разорванный звук звонка на чужом мобильнике, ритмичный храп, общеизвестный стук колес и покачивающиеся на полках ноги в носках и без носков, кусочки, фрагменты, не могущие быть собраны воедино, фрагменты без

какой-либо единой связующей линии (поезд – единственное общее) – вот оно такое, и чуждость какая-то, анахронизмы, странные проявления действительности, и ужасная чуждость – хватаю/выхватываю воздух и получаю неровный рисунок дыхания, дыхательную аритмию, а всё равно дышу и представляю собой себя как в точке А, так и в точке Б, а окружающее – крошится и дробится на кусочки. И действительно непонятно: вот статуя свободы, а рядом – вода, так где же я, что это: Киев или Нью-Йорк?

Общежития №1 и №2

После поезда, утомленные ожиданием и формальными процедурами регистрации на кафедре, около 2 часов дня мы приехали в общежитие на улице Баггоутовской. Хотелось есть, мыться и оставить где-нибудь, наконец, чемодан, который с 7 утра, прилепившись к моей руке, катался на колесиках по киевским улицам. Тяжелый, прямо скажем, чемодан. Тяжелое, прямо скажем, чувство голода. Тяжелое, прямо скажем, желание сходить в душ.

– У коменданта общежития обед, – сказала вахтерша. – До окончания обеда я к ней не пойду, мы все ее боимся.

Кому: Даша
26.02.2007 14.24

До сих шляемся. Пришли в общежитие, ждем.

Кому: Даша
26.02.2007 14.55

Мне тебя не хватает. Нет, до сих пор ждем

Кому: Даша
26.02.2007 15.15

*Комендантша отобедала, теперь к ней очередь. Ждем. Я только один бутерброд :)
Два лежат. Надеюсь вселиться и съесть их*

Комендантша на реального человека не похожа, а похожа на персонажа. Зовут Иванна Емельяновна, из Львова, лет сорока пяти, одета очень ярко, броско, волосы светлые крашеные, пиджак красный, каблуки высокие, ресницы дорисованные огромные, манера поведения хамско-демонстративная, голос громкий, речь по типу монолога. Кабинет напичкан розовым и красным декором.

– І що це ви всі прийшли?! Куди вселятися?! До мене?! В мене немає місць! Шо собі думають кафедри?! Вселятися! Ти диви!

– Мы хотели спросить: нельзя ли как-нибудь так, чтобы мы, ну, кто с одного курса – в одной комнате жили? – спрашивает эксперт из Николаева

– Шо?! Ні, ну ви це бачили?! Договоритися! А ще вам шо? Я не знаю, де вас поселяти. Ви до якого числа? Вас в мене нема в плані, шо до 16 травня! Ви не по плану! Шо коється! В мене повний кабінет людей! Ви не по плану!

– А мы вот на месяц, – говорит эксперт из Николаева, и ей поддакивают остальные тетки.

– АА, ну ті, що на місяць, – ті залишайтеся, а ті, що до 16 травня – вийдіть з кабінету, потім будемо вирішувати, що з вами робити!

Мы – те, что до 16 мая, выходим из кабинета – втроем. Снова устраиваемся в холле. Ждем.

Кому: Даша

26.02.2007 15.33

Нет, нас не поселяют. Я пока в общежитии, жду, как разрешится вопрос.

Размахивая руками, таким же размашистым голосом комендантша говорит, что мы – не по плану и вообще мы – большая проблема, и поселить нас в общежитие она не может никаким образом, поскольку мест – нет. Сейчас она будет звонить проректору и чтобы мы все вышли из кабинета. Она сообщает, что созвонилась с начальством и чтобы мы ехали с вещами в общежитие №1, что по улице не помню какой, на пару дней мы сможем прописаться там, а потом мы можем вернуться сюда, 28 числа уедут интерны, освободятся места.

Мы остаемся вдвоем. Мы – это я и молодой врач из Полтавской психиатрической по имени Таня. И наши чемоданы. Мой на колесиках снова гремит по киевской улице. Хочется есть, помыться и лечь, а еще – еще я искала какую-то песню, не помню, какую.

В автобусе контролер:

– Люди! Give me the money, please! Я не знаю, на якої мові з вами розмовляти, чтобы Вы передавали за проезд!

– Мужчина! Встаньте плотнее! Прижмитесь к девушке! Скоро весна, поэтому можно!

Выйдя из автобуса, встречаем молодого полковника, который направляет нас в противоположную сторону. Чемодан с колесиками стал естественным продолжением руки, а голод и немывтость – нормальным состоянием тела. Каким-то образом находим общежитие №1. Комендантша похожа на настоящую комендантшу, на персонажа – не похожа. Поселила, выдала ключ от комнаты, уточнив, что мы здесь по договоренности до 28 февраля, и чтобы мы обязательно выехали в этот день.

Комната с розовыми шторами, розовыми покрывалами на кроватях и розовыми стенами. На стене над столом – жирные пятна многовековой давности и многопользовательского производства.

Кому: Даша

26.02.2007 17.59

Я вселилась, всё хорошо.

Кому: Даша

26.02.2007 18.04

Душ один на первом этаже. Туалет один на этаж. В остальном нормально

Кому: Даша

26.02.2007 19.10

Я была в душе. Он открытый. Много кабинок без дверей. И одна вешалка, от и к которой все голые ходят.

Кому: Даша

26.02.2007 20.15

Пришли есть. Кафешка в 15 минутах от общежития. Цены нормальные. Солянка и пельмени. Со сметаной.

Кому: Даша

26.02.2007

Ложусь спать. Так не хватает дома

Кровать с железной сеткой, похожая больше на гамак, чем на кровать, но всё это равно, действительно, если целый день с чемоданом, ходишь и ходишь, встречаешь на пути каких-то странных комендантш, молодых полковников и голые тела в общественном душе, всё равно после того, как сам побывал таким голым телом, всё равно, спать, хочется и большевообщемничегонехо..

...холодно, брр. А если так завернуться в одеяло..

...как же холодно, черт...

...в месте, где колени прижимаются к стене, легко образуются айсберги и обледенелости...

...в месте, где нос высывается из оболочестого одеяла, легко формируются антарктические ледники...

..светло..

..холодно..

..туалет далеко..

..лед звенит..

..будильник! 6.50..

..лед звенит..

..лед звенит..

Кому: Даша
27.02.2007 8.52

Холодно. Какие сны? Плохие мысли, кышкышкыш)

Кому: Даша
27.02.2007 9.15

Найди в инструкции к телефону, как отключить будильник

Холодильника нет. Колбасу в пакете вывесили в окно. В надежде, что вороны не склюют. Будильник в новом смартфоне орет каждое утро в 6.50, и как отключить его – непонятно. Туалет в конце коридора, а коридор – впечатление что – длиной около сотни метров. И комнаты, комнаты, комнаты справа и слева, и люди на кухнях, русская речь, украинская речь, люди в тапках и халатах, сковородки, пепельницы. Где же тут дух свободы, который мне мерещился когда-то? Вижу хлев, где человек превращается в свинью. Туалет с плохо работающим смывом, плавают говно. Туалетная бумага разбросана вокруг унитазов. Использованные прокладки там же. И люди, справляющие нужду, рядом в кабинках, в первой пукнули, в третьей смыли. В общежитие даже жизнедеятельность жопы человеческой становится общественным достоянием. Душ, где все объединяются в своем стремлении к чистоте и образуют мешанину тел. Где тут вообще какой-либо дух? Всё будто специально направлено на то, чтобы от личности человеческой ничего не осталось. Советское общежитие кастрирует дух, лишает самые интимные аспекты существования интимности. Общежитие – огромное живое тело, воняющее кухонными и другими нечистотами, бесконечно испражняющееся, топающее, храпящее, хрюкающее. Ежеутренняя уборка заметна в течение получаса после нее, а к вечеру все доверху заполняется мусором, и из всех щелей выползают тараканы – вот, кто счастливец тут, вот, кому хорошо. И люди, люди, некоторые живут тут годами, и привыкают, и это – ужасно, потому что человек не должен к такому привыкать и такое с собой позволять.

28 февраля сразу после занятий мы поехали к Иванне Емельяновне в общежитие №2 – приехали в день, в который нам сказали приехать, ибо обещано было: 28 числа уедут интерны и нас поселят. Иванна при встрече сообщила, что мест нет, и тогда мы отправились в общежитие №1, где в настоящий момент числились. Но когда мы появились у комендантши, которая персонажем быть не может, поскольку на персонажа не похожа, она с порога сказала нам выезжать, а на наши слабые возражения относительно того, что во втором общежитии мы уже были, и там нам было сказано, что мест нет, она вспылила, сказала, что места есть, что сегодня у нее (Иванны) освобождаются 54 комнаты, и что в нашу комнату здесь она (комендантша не-персонаж), кажется, уже направила интернов, так что – уходите. Мы поднялись в комнату и действительно увидели, что там находятся три девушки, которых поселили в наше отсутствие.

Чемоданы, чемоданы, чемоданы снова с нами! 16.00, мы стоим перед общежитием №1, нас выселили, а в общежитие №2 – не поселили, мы на улице! Мы – врачи, приехали по направлению наших больниц на курсы в офигительную национальную академию последипломного образования им. Щупика, а жить нам в итоге негде. Около получаса мы так и стояли перед общагой, я нездорово смеялась, смеялась, смеялась. Таня пыталась вызвать такси, ей отвечали, что машин нет. Она перезванивала и спрашивала: «А будут?» Ей снова отвечали, что машин нет. Она снова перезванивала и снова спрашивала. А я смеялась, смеялась, смеялась!

Вернулись с чемоданами в общежитие №2.

– Девочки! – сказала она. – Девочки! Чого ви знов тут? Я ж сказала вам, шо в мене немає мест! Шо ви від мене хочете? Я не розумію.

– Мы хотим поселиться. Мы оплатили проживание в вашем общежитии с 26 февраля. Сегодня 28. Вот квитанции.

– Ну се добре дуже добре, але в мене немає мест. Зараз поезжайте в перше общежитие, переночуйте там, а завтра будемо дзвонити проректору. Шо собі кафедри думають?

– Понимаете, Иванна Емельяновна, дело в том, что из первого общежития нас выгнали. В наше отсутствие поселили интернов и сказали, чтобы мы ехали сюда, у вас сегодня освободились 54 комнаты..

– Дак вона навіть знає, скільки в мене кімнат звільняється?! Дівочки, в мене мест нет! Так, інтерни повинні виїжджати, але ж ще ніхто не виїхав! Вас нема в плані! Ви непланові! Ось планова книжка... – стучит книгой о стол. – Покажіть мені, де ви тут? – передает книгу Тане.

Таня смотрит. Не находит в плане курс по 16 мая. Комендантша забирает книжку и изо всех сил бросает ее на пол. Ведет громкий монолог сама с собой относительно неплановости, относительно того, что мы тут у нее в кабинете, относительно безалаберности кафедр, относительно отсутствия мест и главное – о том, как она сидит здесь, нужная и важная, и как люди идут к ней и идут и как кабинет ее полон их, людей, полон людей.

Таня достает заранее приготовленные нами 100 гривен и протягивает руку к столу комендантши, на что последняя начинает кричать еще пуще: «Если вы тут мне сейчас шось положите, то я открою дверь и выброшу это прям туда, а вы будете краснеть перед всеми!..»

Тогда Таня, чуть не плача, просит ее, что пожалуйста, мы в чужом городе и нам негде ночевать, поселите нас, пожалуйста. Коменданта снисходит, выдает нам ключ от комнаты (на столе у нее лежит около 2 десятков таких ключей), а касательно денег, когда Таня снова пытается отдать их ей, уточняет: «Потом».

И мы с чемоданами плетемся в комнату, делись впечатлениями, Таня переживает, что вот, кажется, пришлось унизиться, а я говорю, что ты посмотри на это с позиций психиатра, всё воспринимается иначе. И мы приходим в комнату – старый паркет, куски которого отлетели, зеленые стены с пробоинами по всей поверхности, кровати, похожие на гамаки, стометровый коридор, двери с разными надписями на них, стены в комнате, на которых уточнено, что «тут спит Таня», «19.05 постерать», карта снабжения Украины фолиевой кислотой, распечатанная на струйном принтере, реклама частной клиники для молодежи, где можно получить консультации психолога, сексолога, терапевта, дерматовенеролога, туалет один на этаж, открытый душ, куча мусора на кухне и под окном. И чемодан, чемодан, который, наконец, поставлен в шкаф.

Утром, предварительно хорошо подумав и оценив ситуацию, мы всё-таки отдали ей – но не сотню, а полтинник.

Соседи, допоздна пьющие и поющие. Люди, курящие повсюду. Мой заведующий, который жил там же и приходил к нам с ноутбуком смотреть фильмы. Душ, в котором санитарный день по средам. Грудной ребенок в специальной сумке. Пятилетний ребенок, бегающий по бесконечному коридору. Девушки, которые не могли понять, кто я – мальчик или девочка, и пришедшие к выводу, что всё-таки я – «тёлка». Алкоголик с совершенно пропитой физиономией, в тельняшке, жаривший вонючую картошку на сале. Общей жизни дыхание.

Не могу отвести глаз, не могу оторваться, can't take my eyes off of you! I love you, baby, can't take my eyes off of you, Vikki Carr, вот она, та самая песня! Не могу не смотреть на тебя – и потому что смотреть больше некуда, и потому что, просто – не отвести глаз, красавица писаная, существо ужаснопрекрасное, осьминог вислоухий, мутант неопикуемый

Постсоветское пространство, родное моё, необъятное, родина моя.

Я – Капитошка?

Родная, не плачь, ну зачем ты плачешь, не нужно. Мы же с тобой дышим одинаково и жизнь у нас одна. Ты умрешь – я умру. Поскольку мы связаны с тобой крепко-крепко, мы можем находиться в двух местах одновременно: ты в Харькове – и я там, я в Киеве – и ты здесь. А сейчас, когда обе мы в Киеве, зачем ты плачешь, родная, не плачь. Я писала в подростковом возрасте такие стихи: наши сердца одно, всё решено, и прочее говно. Такие затертые, такие безликие, но такие правильные теперь слова. Я кто тебе: я тебе Капитошка?

Отец, который был предупрежден о том, что я боюсь собак и собаку надо убрать. И который через час завел собаку в дом со словами: «Настя, к тебе друг пришел».

Давай распишемся на стекле, надписи со стекла не стираются. Когда дышишь на стекло, текст проявляется.

Отец, который не задал мне ни одного вопроса и – странно – что запомнил, как меня зовут. Но рассказал о своих новых должностных успехах и показал вырезки из газет, где написано, что он окончил школу с медалью и университет с красным дипломом.

Ты, которая сказала, что мне всё равно, с кем. Я, которая сказала, что это всё сказки про belong.

От кого: Даша
18.03.2007 16.03

Я вот подумала: если ты обернешься, значит... Но ты не обернулась.

Я плачу два дня, родная, из меня вышла вся соль и вода. Я так боюсь потерять тебя навсегда. Эти чужие здания, эти незнакомые провода. Я горько плачу, родная, из меня вышла совершенно вся соль и вода. Я иду по дороге и ловлю незнакомое такси. Я еду мимо государственных зданий и вернуться меня не проси. Я еду на Баггоутовскую, вези меня туда, вези. Я шла по дороге и поймала незнакомое такси. На Баггоутовской пусто, зеленые стены, мусор, Иванна и шум. Я обезвожена совершенно, я практически не дышу. Наше сердца одно, всё решено и прочее говно. Я сухой папирус, я капитошка, я – оно. Ты пишешь, что приедешь ко мне в шесть. Это благая весть, это благая весть. Я надеваю ботинки и джинсы и иду туда. Где соль и вода где соль и вода.

Как на Крещатике было плохо в четыре, так на Баггоутовской хорошо в шесть. Красивые здания на Крещатике, модный Майдан, кого это волнует, если в сердце дождь. Некрасивая Баггоутовская самая красивая Баггоутовская в шесть. Самое красивое здание супермаркет Фуршет. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, это слишком хорошо. Я потерял песню и снова ее нашел. Песня из рекламы пива, оле-оле. Песня про ай лав ю бэйби – самая лучшая песня на земле.

Есть некоторые вещи, которые совершенно нельзя. Нельзя стрелять любимым «в яблочко». В Киеве весной нельзя убивать любимых наповал. Нельзя убивать любимых никогда.

Это история со скрытым сюжетом, открытыми переживаниями и счастливым концом. Посыпанная киевскими солью и перцем, солью и перцем. Это история, из которой ясно, что было больно и грустно, а стало хорошо. Из которой ясно, что, когда больно, невозможно дышать. Из которой ясно, что красота растет изнутри. Последняя строчка просится такая: гори, внутренняя радость, гори.

Что ж с ней поделаешь, если просится. На тебе, вот.

Гори, внутренняя радость, гори.

Педестриан

Педестриан – пешеход. Он близок велосипедисту, антагоничен автомобилисту, симбиотичен трамваю, троллейбусу, автобусу, маршрутке и метро.

Пеший ход – самый древний способ передвижения человека. Сейчас, в век высоких скоростей, он, безусловно, теряет свою актуальность, превращаясь из средства перемещения в средство отдыха и развлечения. Часто педестрианы – любители пешего хода, развлекающиеся этим нехитрым природным способом. Общение педестриана и городского транспорта представляет собой самостоятельную форму бытия.

Различают несколько видов п.: п. ленивые (вынужденные); п. активные (энерджайзеры); п. равнодушные (автоматизированные, или условно-рефлекторные). Эти роли чаще фиксированы, но и здесь возможна некоторая степень текучести и наличие переходных форм. Читатели нашей газеты могут заметить неточность и профанность изложения материала, но, скорее всего не заметят, ибо не успеют, прочтут и выбросят, и побегут дальше куда-то и туда-то, нам, честно, всё равно, куда.

Идя по улице, по переходам, мимо киосков и магазинов, вижу столько газет, сколько может вместить поле зрения, и ощущение возникает такое же, как на эскалаторе в киевском метро: где черная резиновая лента, за которую держатся руками, движется быстрее эскалатора, из-за чего рука постоянно уползает куда-то вверх. Ощущение нецелостности.

Я – ленивый педестриан, турист. Мы – это мой заведующий, Валерий Никифорович, врач Таня из Полтавы и я – выходим из троллейбуса на Майдане Незалежности, поднимаемся по Софиевской улице, доходим до собора Софии, платим гривну за вход на территорию, ходим кругами. Я ищу камни, положенные в 11 веке и, кажется, нахожу. Когда чему-то почти тысяча лет, это что-то обязательно гипнотизирует. Внутрь собора не заходим. Возле выхода видим могилу какого-то митрополита, похороненного тут в 90-е годы. Случайна ли рифма бандит-митрополит? Бывают ли вообще случайные рифмы?

Кому: Даша
14.03.2007 13.01

И у нас тоже. Такое уууу весна!

Идем к Михайловскому собору, там бродим, смотрим по сторонам, читаем надписи: доска с именами тех, кто помог восстановлению собора, среди них очень много американцев. Ходим внутри собора. Никифорович говорит, что его жена читала литературу кришнаитов и буддистов, но когда стало действительно плохо, пошла в такую вот просто церковь. Идем мимо администрации президента. Думаем,

не заглянуть ли на чай. Поговорить о зарплатах. Мимо Андреевской церкви по Андреевскому спуску, рассматриваем штучки, сувениры, дудочки, медали, старые газеты, бижутерию, котомки. Выходим на Контрактную площадь, сворачиваем направо, заходим на кофе в дом Nescafé. На стенах этого кафе – надписи. Например: «Язык синего кита равен длине слона». В форме спирали сделана надпись такого содержания: «Известно только об одном экземпляре подписи Кристофера Марлоу, выдающегося английского поэта и драматурга. Считается, что, если будет найден седьмой автограф Шекспира, то его стоимость будет оценена в 1 миллион фунтов». Здесь мы с Никифоровичем говорим об уникальной двуязычной ситуации в Украине и возможностях развития литературы.

Мы выходим и идем дальше, мимо здания, в котором в 2003 году находился единственный клуб-магазин «Пироги», история закрытия которого темна и неясна.

Эта дорога – место моей романтической памяти и настоящего. На первом курсе я приезжала без предупреждения в Киево-Могилянскую академию, что на Контрактной площади, и в парке на Подоле происходил стих. В бывших пирогах и еще где-то в Киеве происходил другой стих. По этой же дороге мы ходили с тем, кто belong, фотографировали надписи в доме кофе чуть больше года назад.

Мы выходим к Речному вокзалу и, посреди сумасшедшей весны, видим в воде Днепра большой не растаявший кусок льда, плавающий возле кафе на воде.

В прогулочном туристическом темпе вырисовывается подобие целостной картины. Стандартный маршрут, пафосные блестящие здания, на которые смотрит каждый, кто приезжает в Киев, лицо столицы, исторические достопримечательности. Титульный лист ежедневной газеты с постоянным красивым названием.

Холмы, холмы, как волны, из и в которых люди – появляются и прячутся. И мы – вынырнули и утонули. Потоптались по титульному листу. И снова ушли на свои страницы.

Я, ленивый педестриан, маленькая газетная буква: перевернутая на спину «С», когда сплю, «Л», когда хожу, «Я», когда бегу, и какая угодно буква, когда всегда люблю.

А в метро черные резиновые ленты упрямо движутся чуть-чуть быстрее, чем эскалаторы.

Павловская больница

ЖЖ-юзер stepanvolk в комментарии рассказал мне, что встречал пациента, который говорил, будто дьявол боится галоперидола.

– Он дьявол, он был дьяволом, – делится впечатлениями о мальчике-убийце одна из сотрудниц больницы. – Все его мистически боялись. Однажды я осталась с ним в комнате один на один, дверь была открыта и вдруг захлопнулась сама. Леденящий ужас.

Странно от сотрудников такое слышать. На территории Павловской больницы – покрашенный зеленой краской памятник ученому Павлову и большая Кирилловская церковь. Церковь эту, стоящую на холме, видно с троллейбусной остановки сквозь забор, ограждающий стадион «Спартак», и поверх стадиона. Павловская больница – это холмы, холмы, это тяжесть от подъемов и спусков, это деревья, растущие на холмах корнями наружу.

Совсем старенькая бабушка ведет мальчика лет 12-ти. Вокруг пояса у него повязана прочная лента, за которую со стороны спины бабушка держит его. Мальчик плачет и орет, что, пожалуйста, только не в больницу, я больше не буду, пытается вырваться. Бабушка молча вперед с отсутствием мимики.

Страшные истории о детях насильниках и детях-убийцах. Их невинные тонкие лица, их светлые глаза.

Странная живопись на стенах детского отделения. Яблочное дерево. Возле него существо с головой панка (ирокез), в темных очках, телесного цвета (голое), с телом лошади (или коровы?), семью ногами с черными копытами, женской грудью. На его спине – какой-то красный жучок в черных сапогах. Существо смотрит на нарисованную девочку с зеленой полосатой кошкой в руках.

Странные больные дети, их тихие мысли, их расщепленные рисунки, немые поступки.

Занятия длятся около полутора часов день. Профессор читает лекции. Темы лекций, скажем, вольные. Совершенная формальность происходящего. Отзвуки советского времени. То, что должно быть отжито и выброшено. Курсы, представляющие собой странную трату государственных денег ни на что. Незаинтересованность общая. Пафос профессора. Перечисление им своих регалий с кокетливым смешком. Обезличенность присутствующих. Одно имя на всех: врачи-курсанты. Ранняя весна.

Профессор, идущий на работу по холмам. Судебный психиатр Лунц, убитый среди этих же холмов. И больные дети, их тихие глаза, их тонкие руки, дети-наильники, дети-убийцы.

Мы среди холмов, поднимающиеся и спускающиеся, я, фотографирующая корни деревьев, детскую психиатрическую живопись. Пустые разговоры на настоящему говорящем фоне. Язык бессловесный, возможность слов.

Возможности, парящие в пустоте.

Я, парящая в пустоте.

Куда еще

Кому: Даша

19.03.2007 18.55

Я купила нам книжку Розенкранц и Гильденстерн мертвы. Перевод Бродского.

Кому: Даша

20.03.2007 8.51

Я такой взволнованно-взбудораженный: очень мечтаю уехать сегодня. А кот меня ждет? Театр ужасен.

Сходили на новомодную постановку «Ревизора» в театр им. Ивана Франка. На декорациях написано название одного брэнда водки. Почтальон ездил с желтой сумкой, на которой название одного банка. Актер, передавая другому ящик, уточнял: «Это тебе для водки такой-то». Ревизор был представлен в качестве гея и в этом русле высмеян. Ушли, не дожидаясь окончания спектакля.

Кому: Даша

20.03.2007 15.06

Я купила нам книжку Виктора Сосноры. Полное собрание.

А еще Митин журнал. И малую прозу Венедикта Ерофеева. И около 10 книг по психиатрии, хороших и разных.

От кого: Даша

20.03.2007 16.06

Бяшечка котенок. Он у меня на груди, мурчит. Такая мурчалка! Утробное мурчание. Громогласно мурлычет.

От кого: Даша

20.03.2007 17.06

Ага. Главное в метро не уснуть.

От кого: Даша

21.03.2007 21.32

Твои подснежники распустились

От кого: Даша

24.03.2007

Дали супер тему. Битники, поэтический перевод.

От кого: Даша

26.03.2007

В мочалке твои волосы...

От кого: Даша

27.03.2007

Такое прикольное ощущение, когда 50 коп в кармане.) Легко!

От кого: Даша

19.03.2007 7.29

Лето придет, будем жарить шашлыки, лежать на полянке.

От кого: Даша

19.03.2007 17.40

Ммм... Какую-нибудь рубашку. Ты мне нравишься очень в рубашках.

От кого: Даша

19.03.2007 17.50

Каза! Любую рубашку, или не рубашку.

От кого: Даша

19.03.2007 18.00

Можно светлую с кармашками)

От кого: Даша

28.03.2007 11.02

Я радостный еж)

От кого: Даша

Дата. 1.17

Харьков не проспийшь? О, кажется едет ваше!

Когда поезд прибывает в Харьков, я дочитываю при тусклом купейном свете последнюю страницу пьесы Стоппарда.

Я дую в пустые бутылки и пою некоторую песню. Я долго искала ее, нашла, выучила и теперь она со мной везде, где угодно и когда угодно.

От кого: Даша

31.03.2007 14.34

Бегут девочка и пони

Бег девочки и пони – то самое, что есть всегда. Проходят дороги, проходят курсы, проходят эпохи, сменяют друг друга социальные строи, а девочка и пони – бегут. Девочка полосатая, пони нет. Пони полосатый, девочка нет. Девочка и пони без полосок. Девочка и пони с полосками.

И самая важная, самая большая загадка всего-всего, что происходит и что происходило, что пережито и что не пережито, что есть и чего нет, – самая большая загадка такова: когда оба – и девочка, и пони – полосаты, откуда берутся дополнительные полоски? И когда оба, и девочка, и пони, не полосаты, куда уходят полоски?

Единственное, что мы наверняка знаем – это то, что полоски – существуют.

Этого, в общем-то, в нашем случае вполне достаточно.

Занавес.

Звучит песня Vikki Carr «Can't take my eyes off of you», исполненная на пустых бутылках, ксилофоне, трубах, тамтамах, сухих пнях, разнобойных голосах, столах, табуретках, картонных коробках, стульях, газовых плитах, зданиях, клавиатурах, мышках, кошках, собаках, пони, мальчиках, коже, листьях, рекламе, смартфонах, интернете, гитарах, тамбуринах, туземцах, комендантшах, советском пространстве, постсоветском пространстве, церковных куполах, формальностях, подлинностях, кофе, чае, лимоне, гранатах, руках, асфальте, рыбном крючке, полосатых футболках, театрах, миргороде, проводниках, холмах, корнях, детях, бумаге, салфетках, кометах, облаках, воде, общежитиях, струнах, дорогах, девочке, пони

и

так

далее.

Стихи для детей люблю за их звонкость. За то, что в них
звонит каждое слово и каждая буква. И всё это щедро множится
на залиvistый детский смех.

Марина Вишневецкая

Кто такие сутки?

* * *

– Где ты? Где ты, головастик?
Покажись, скажи нам: ЗДРАСТЕ!
– Что за странные слова?
Подрасту – скажу вам: КВА!

* * *

Если ловит хвост котёнок,
Значит, он еще ребёнок.
Если ловит он мышей –
Вышел кот из малышей.

* * *

– Дятел! Дятел!
Ты не спятил?
Весь асфальт перетолок!
– Я не дятел.
Я не спятил.
Я – отбойный молоток.

* * *

– Мы мушки-побирушки,
Подружки-вездесушки.
Вот пирога остатки,
Вот шоколада слитки –
На сладкое мы падки,
Но к сладкому мы липки. –
И вот уже в варенье
Сверкают мушек тушки.
– Ой-ой! Скорей! Скорее!
Спасите наши душки!

* * *

– Милая тётушка Манная Каша,
Наша любимая, сладкая наша!
Не уставали мы Вас обожать.
Что же заставило Вас убежать?

– Ваша рассеянность, – шепчет плита,
Манною кашею вся залита.

* * *

Сын спросил у мамы утки:
– Мама, кто такие сутки?
И куда они летят?
И вернутся ли назад?

– От побудки до побудки
Пролетают-тают сутки.
Улетают в никуда,
Исчезают без следа, –

Так сказала мама-утка.

Сын спросил:
– А их малютки?
Много ли у них сутят?
Вместе ли они летят?

– Да, у суток есть малютки.
Называют их м и н у т к и.
Друг за дружкой подряд
День и ночь они летят.

Сын взволнован не на шутку:
– Мне хоть на одну минутку,

Хоть глазочком бы взглянуть!
– Что ж, внимательнее будь.
Только что...
– Как? Неужели?
– Две минутки пролетели.
– Где? Когда?
– Да вот с тех пор,
Как ведем мы разговор.

* * *

Зайцы на кеды
косились, косились,
А купить поскупились.
С тех пор – босые.
С тех пор – косые.

* * *

Смешное слово «дребедень»
Твержу сегодня я весь день.
В нём что-то звонко дребезжит,
С ним незаметно день бежит.
Но что успел я в этот день?
Да так... Сплошную дребедень!

* * *

Жирафы играли друг с другом
в пятнашки
И так запятнали друг другу рубашки,
И так запятнали друг другу штаны,
Что пятна на них и поныне видны.
Ни озеро Ниос, ни озеро Чад
Не в силах отмыть заигравшихся чад.

* * *

Ничего на свете нет
Травянистей, чем трава.
Ничего на свете нет
Деревянной, чем дрова.
Ничего на свете нет

Говорящей, чем слова –
Так устроен белый свет.
Самый-самый-самый белый –
Ничего белее нет.

Помню, Байтов, о котором я периодически вспоминаю и его описываю, выдал претенциозную фразу. «Не люблю, говорит, просто из себя выводит, когда спрашивают: ты пишешь? Я никогда не пишу. Я не писатель». «А что ты делаешь? – спрашиваю. «Я работаю со своей экзистенцией», – отвечает. (Ей-Богу, не шучу.) Самое интересное, что это действительно так. И для Байтова (за свой базар полностью отвечает), и для всякого. Просто не каждый осмелится выразиться так претенциозно (то есть истинно). (В этом смысле я и не прозаик – в продолжение мысли Байтова. И не критик – как всегда говорил. Я иногда пишу о чужих стихах, иногда, с меньшим удовольствием, – о чужой прозе. Иногда – о чужих жизнях; тогда это называют рассказами. Я – эссеист, вероятно: эссе – опыт, проба, эскиз, фрагмент.) Так вот: в стихотворной форме я со своей экзистенцией не работаю. Я не мыслю мир в столбик. Ни в столбик, ни в рифму. Это все у меня стихи для рассказов. (Всегда большое искушение представить «для» деепричастием от «длитель».) Стихи моего героя, он за них и несет ответственность. То есть и мои, конечно – но в той мере, в какой я, как известно, мадам Бовари (специфическая форма паранойи). Именно «для» рассказов, а не «из». «Из» не всегда получается. Так как к стихам я отношусь менее серьезно, чем к прозаическому окружению (ибо не мои они), то и получаются они быстро, легко, залпом. Легче рассказов. Опережают их. Тут, возможно, и вся фишка в том, чтобы не править. Как ляжет (карта, фишка, строка). Бывает, бесконечно для это «из», что и рассказа нет, а герой уже пишет – стихи (то бишь работает со своей экзистенцией). А бывает, что рассказа и не будет (дляяя). Не знаю, почему. Или так: по разным причинам. А стихи останутся. И что с ними делать? Те стихи, которые вы читаете, – это стихи для ненаписанных рассказов (так и можно назвать). Для (и, стало быть, уже «из») написанного любопытствующий может посмотреть в повестушке «Секонд хэнд» (не помню уже, кажется, латиницей).

Олег Дарк

За гробом жизни нет.
Мертвец в гробу скучает.
Мы шлем ему привет,
А он не отвечает.
Он иногда приходит к нам,
И по утрам, и по ночам...
Но нас не замечает.

Эти ангелы уснули,
Крылья серые сложив.
Помнишь, в месяце июле
Мы слышали мотив:
«Эти ангелы уснули...»
Голос молод и красив.

Как над полем стынут пули,
Хвост и гриву распустив.
Помнишь, в месяце июле...
Голос издали, красив:
«Ах, над полем стынут пули,
Крылья гордые сложив.»

Мерзнет витязь в карауле,
Лоб под шоломом сокрыв.
Понишь, в месяце июле...
Все жалели мы его.
Мерзни, мерзни в карауле
И не бойся ничего.

– А что было в июле?

[к пьесе «Романистка»]

1)

Открой глаза.
Ты видишь – гроза,
Ее паруса –
В полнеба.
Надуты дождем...
Приближается.
Но мы не уйдем,
Мы будем лежать под дождем.

По длинному веку
Крупица дождя
Спускается.

Я пальцем ее сниму.

2)

Открой глаза.
Ты видишь – гроза,
Ее паруса –
В полнеба.
Приближается.
Надуты дождем...
Но мы не уйдем,
Мы будем лежать под дождем.

Спускается
По длинному веку крупца дождя.

Я пальцем ее сниму.

3)

Открой глаза.
Ты видишь – гроза,
Ее паруса –
В полнеба.
Надуты дождем...
Приближается.
Но мы не уйдем,
Мы будем лежать под дождем.
Я пальцем сниму крупцу дождя, что по длинному веку спускается.

(Я пальцем сниму, уходя,
Крупцу дождя,
Что по длинному веку спускается.)

Я так тебя люблю,
Что ветви отрясают
С младых своих сучков
Прохладный свой убор.

Эволюция человека, начинающего со стихов, складывается по-разному: он может обращаться к прозе, перенося на нее «артикуляционную базу поэзии» (как это делали Цветаева, Пастернак, Белый) и оставаться поэтом; а может «готовиться» стихами к прозе и осуществиться именно в ней (как это сделали Пушкин и Набоков), оказаться прозаиком. Выбор пути остается, по всей видимости, даже не за пишущим, но, рано или поздно, всем (иногда включая его самого) становится очевидным – ради чего что затевалось.

Для меня опыт писания «прозы» это своеобразная компенсация той неестественной естественности, подозрительной, не заслуженной ничем в этой жизни, легкости, с которой даются мне стихи. На прозу же надо тратить время и силы, над ней необходимо работать, бесконечно править и согласовывать, и понимать, наконец, во всей тотальности раньше кажущееся идиотично-бессмысленным выражение «сопротивление материала». Образно выражаясь, труд и из обезьяны ведь человека сделал, почему бы не предположить, что он же сделает из меня – прозаика?!

Надя Делаланд

Зеркало

Когда я, шелестя и похрустывая, сдернула с зеркала вощеную бумагу и водрузила его в ванной на месте прежнего, треснувшего около месяца назад и лежащего теперь на помойке, – я сразу почувствовала разительную перемену. Зеркала, конечно, все немного разные – одни слегка вытягивают отражение, другие сплющивают, одни отражают четко, другие более размыто, одни светлее – другие темнее... Но это зеркало пронзило меня какой-то особой, я бы даже сказала – посмертной, ясностью. Оно как будто собирало и доносило своим отражением каждую мелочь, оно было реальней отражаемой им реальности. Глядя в это зеркало, я вдруг нашла свою потерянную самую удобную на свете заколку для волос, на которую давно уже плюнула. В общем, вопреки примете, мое старое зеркало вышло из строя, не принеся мне особых несчастий, напротив, даже вот обрадовало совершенством зеркала, приобретенного ему взамен.

Сегодня я пришла домой почти в полночь. Был ужасный день – на работе завал, совпадения какие-то дурацкие, домой шла, завернула в магазин, не заметила стеклянную дверь и в кровь расшибла нос... Да, это было даже смешно, а в довершении всего мой давнишний, с самых тех, еще университетских, времен, приятель предложил мне выйти за него замуж. Полный бред, мы знакомы почти сорок лет. К чему портить дружбу двум добрым старым хрычам, не понимаю. В общем, не день, а хрен знает что. Слава Богу, он закончился! Жаль только, что при моей затворнической жизни мне даже некому было пересказать все его нелепые дикие перипетии.

Да и спать хотелось невыносимо. Умывшись (расквашенный нос заложило и до-трагиваться до него было больно), я отняла руки от лица и почувствовала, что ослепла. На секунду. Это не успело стать мыслью, я быстро поняла, что просто эти идиоты опять отключили электричество. Целую неделю одно и то же! Или это все-таки перегорела лампочка? Нащупывая в темноте влажной рукой ускользающую железную щеколду и открывая дверь, я подумала о том, что внезапная слепота – это такой лейтмотив моих кошмаров. Помню, мне снилось даже, что я пришла в ванную умываться, вытащила, значит, глаза и, ничтоже сумняшися, сожрала их. Или надкусила просто, не помню, врать не буду. Но факт, что пользоваться по назначению стало ими уже затруднительно. Я пришла в ужас, осознав во сне, как меня подставила внезапно напавшая на меня прожорливость и, не приходя в себя, проснулась. Вспоминая всю эту историю и уже практически раскрыв дверь, я задним числом сообразила, что зеркало немного светится. Я закрыла дверь. Зеркало тихо светилось. Этого света было недостаточно, чтобы что-то освещать, но само оно определенно светилось. Едва заметно, утробно, внутренним светом.

Свет исходил из краев зеркала, как это бывает, когда за плотно закрытой дверью находится освещенная комната и ее свет протекает в щели. Я провела по рамке растерянным пальцем – она была неожиданно теплой и слегка дышала. Кроме того, я почувствовала робкий сквознячок, дующий отсюда туда.

Немного выждав, чтобы привыкнуть к происходящему, я прикоснулась пальцем уже к самой зеркальной поверхности – он моментально был втянут темной теплой водой зеркала, как воронкой, в которую утекает вода из ванной. Без усилия я вернула палец обратно, он был сухой и несколько секунд слегка светился, зараженный свечением зеркала. По всей вероятности, в зеркале не водились бешеные волки. Я просунула в него кисть руки, руку по локоть, затем по плечо. Глупо хмурясь, я пошевелила ей и поразмахивала, чувствуя кожей тепло и движение воздуха, как если бы за зеркалом светило солнце и перебирал свежие листья весенний ветер. Немного поколебавшись, я вернула себе руку – зеркало отпустило ее с легкой неохотой. Приблизив к зеркалу лицо, я стала различать слабые звуки, а в мой страдальческий носовой резонатор чудом просочился смешанный запах каких-то цветов и ягод. Зажмурившись, я всем лицом окунулась в зеркало, пустив по коже расходящиеся круги дрожащей теплоты и упругости. В ту же секунду я задохнулась от свежего воздуха, и яркий свет сделал мои веки полупрозрачными красными витражами.

Когда я, наконец, решила открыть глаза, то увидела, что моя голова оказалась в комнате, которая была освещена непрямыми солнечными лучами, рассыпавшимися из распахнутого окна. Окно то на вдохе испуганно втягивало в рот белую тонкую ткань занавески, то выдувало из нее бубльгумовский пузырь. Мебели было немного, и вся она была из того же светлого дерева, что стены, пол и потолок. На столе стояла тенистая ваза с желтыми листьями, веточками вербы и яркой рябиной. Одна из стен была полностью обнесена книжными полками. Самого беглого взгляда было достаточно, чтобы я узнала их все – это были мои книги, те произведения тех авторов, вышедшие в тех изданиях, что я когда-либо читала.

Наверное, моя голова на стене выглядела этаким безрогим охотничьим трофеем. Стараясь держать его как можно устойчивей в этом солнечном мире, в мире потухшей лампочки я с изрядным усилием подтянулась на руках, которые не смущала царящая в ванной тьма, встала ногами в скользкую раковину и всем моллюском вылезла из зеркала. То есть, конечно, залезла, но в итоге все равно – вылезла. Наступив влажными домашними тапочками на прочную тумбочку, которая стояла специально под двероподобным зеркалом, я легко соскочила на пол и осмотрелась. Мне нравилась тотальность восприятия, вдруг открывшаяся во мне. Я стояла посреди комнаты, и все происходящее принадлежало мне, было мной. То ли все предметы обладали здесь какими-то особенно чистыми цветами и линиями, то ли качество моего зрения стало иным от этой перемены мира, но я видела очень четко каждую мелочь, каждая мелочь была важна.

Я обошла комнату по периметру, двигаться было легко, как будто я долгое время ходила с двухкилограммовыми гирями, навешенными к рукам и ногам, а теперь их сняли. Нос, кстати, тоже перестал болеть. Из окна был виден осенний разноцветный лес. Я легла животом на подоконник и свесилась вниз головой – до земли было метра четыре, значит, в доме должен быть еще первый этаж. Выйдя из комнаты, я вприпрыжку спустилась по неширокой заворачивающейся лестнице, намертво задавив в себе внезапное желание съехать вниз по перилам. Здесь было что-то вроде столовой – в центре стоял стол, окруженный послушными стульями, у стены добродушный посудный шкаф, у стены напротив – оранжевый диван. Плотные шторы, посуда в шкафу, абажур – все было такого же веселого оранжевого цвета. В углу из громадного пупырчатого оранжевого горшка росла пихта. Я подошла к ней и проверила землю – влажная. Открыла буфет и сразу разглядела баночку с мандариновым вареньем. Такое получается, когда длинно и тонко нарезают кожуру, а потом варят недолго вместе с соком, мякотью и сахаром.

Когда я вышла из дома, то оказалась на пляже – под ногами песок, впереди бескрайние морские просторы, солнцепек, соленый гладкий воздух, справа по курсу оазис с яркими тропическими цветами и чудаковатыми деревьями. Бесшумно припадая на оба крыла, мимо меня провздыхала большая желто-фиолетовая бабочка. Я сделала несколько шагов, набрав полные тапки обжигающего песка, остановилась и стала вытряхивать его, зажигательно поднимая ноги и аплодируя себе подошвами по пяткам. Солнце светило яростно, с полуденным максимализмом. Так и обгореть недолго. Все-таки тут, выходит, лето... Хотя это странно, потому что из комнаты мне почудилось, что стоит осень. Я решила выйти к тому лесу, который заприметила из окна, повернула за угол и моментально оказалась в другом времени года. Да, здесь была осень, все, как должно быть осенью – температура воздуха, запах, цвета. Ошеломительный покой падающих листьев. Я завернула за следующий угол, и у меня перехватило дыхание от холода. С этой стороны была зима, вдали виднелась подбеленная кардиограмма гор. Недалеко от меня с когтистой сосновой лапы мягко ухнул припадочно искрящийся снег, в дупло занырнул голубоватый хвост белки. Мороз, однако. Без унт – или как их там? – в тундре, однако, не уютно. Я завернула еще, и на меня обрушилась весна. Оглушительно щебетали птицы,

прямо мне в бай хуэй капала вода с крыши и проникновенно стекала за шиворот. По краям парковых дорожек, выложенных седьми плитами разной геометрической формы, через каждые несколько метров стояли удивленные скамейки. Я подошла к ближайшей и вкрадчиво села. Событийно все это должно, конечно же, напоминать мне сновиденье, но по ощущениям, по их ясности и глубине, по степени моего присутствия каждую секунду и осознанности – это никак не могло быть сном. По крайней мере, моим сном. Обычно мне снятся приглушенные сероватые сны, где я не я или не совсем и не всегда я, в них я не пугаюсь страшного и никогда не смеюсь, двигаться в моих плотных тягучих снах бывает тяжело, как в воде, а вынырываю я из них сомнительно отдохнувшей. Особенно последние десять лет. Возможно, это просто началась старость...

Пока я размышляла о природе происходящего, в глубине дорожки показалась человеческая фигура. Сначала я не поняла – приближается она или удаляется, потому что она как-то немотивированно меняла свой размер, а, может, так просто казалось. Но потом она, уже точно увеличиваясь, приближалась. Я уже видела, что это длинноволосый старик, видела его длинную белую бороду, темная морщинистая рука сжимала посох, он был облачен в длинные светлые одежды. Когда он подошел достаточно близко, я поняла, что он невероятно высокого роста, метра три. Я поднялась ему навстречу.

– Здравствуй, Лиза, – произнес он, присаживаясь на скамейку и жестом приглашая меня сделать то же самое.

– Здравствуйте, – ответила я. Вокруг старика ощущалось сильное тепловое поле, как будто он был огнем в камине. Меня зовут не Лиза, но мне не хотелось ему возражать. Тем более, что с этим именем у меня было кое-что связано. В детстве оно мне не то, чтобы нравилось, а я смотрела на себя в зеркало и чувствовала, что оно подходит мне больше, чем что бы то ни было. Я даже обещала родителям, что когда буду получать паспорт, непременно возьму его взамен придуманного ими. Конечно, я ничего такого не сделала. Но однажды был странный случай. Странный по тому впечатлению, которое на меня произвел. Я шла под дождем на урок балетных танцев, было мне лет тринадцать, наверное. И вот, выходя из подземного перехода, я вдруг услышала, что кто-то зовет: «Лиза! Лиза!». Я подняла глаза и увидела старенького дедушку, протягивающего ко мне руки: «Лиза!» – повторил он жалобно. Я растерялась и поспешила пройти мимо, а он все просил меня быть ею вслед так, что я долгое время еще чувствовала себя виноватой в том, что не была той, кого звали – «Лиза».

Поэтому сейчас возражать мне не захотелось. Тем более что, и тогда, и сейчас где-то в глубине души, в тайне от себя, жила у меня уверенность, что это не ошибка, что обозначились совсем другие люди, много других людей, а эти – узнали.

Некоторое время старик сидел молча, распространяя вокруг себя молчание и тепло. Сначала я просто слушала его молчание и грелась, потом постепенно его молчание передалось мне, я перестала думать, и мы какое-то время (вне времени) сидели в абсолютной тишине. Птицы молчали, как рыбы, эволюция шла вспять. Мне даже показалось, что у меня остановилось дыхание, но старик заговорил.

– Ты очень давно не приходила. – В его голосе не было осуждения. Но он сожалел – обо мне.

– Прости, – сказала я, совершенно естественно перейдя с ним на «ты». После нашего молчания расстояние между нами сделалось исчезающе маленьким, сократилось до нуля. Практически, я просила прощения у себя.

– Теперь ты можешь приходить сюда часто, – он посмотрел на меня глубоко.

– Я буду, – пообещала я искренне.

– Ты можешь не уходить отсюда, – сказал он тихо.

Я молча кивнула. Я знала об этом. Чувство возвращения домой становилось все отчетливей.

– Я умерла? – Спросила я без тревоги. Я вдруг ясно представила, что в ванной валяется на полу бледная рухлядь моего тела, темнота проникла внутрь него, а лампочка, возможно, горит. И будет гореть еще очень долго.

– Ты не умерла, – улыбнулся старик. – Но теперь ты знаешь, что у тебя есть куда умереть.

– Кто ты? – спросила я зачем-то, запасливо добавив, – что это за место? Почему я сюда попала? И почему я сюда попала только сейчас?

– Неужели тебе здесь плохо? – не ответил старик.

– Хорошо... Это ведь и подозрительно. Понимаешь, я давным-давно, когда была ребенком, засыпая, представляла, что у меня есть в стене тайная дверь, ведущая в другой мир, в котором есть маленький домик, окруженный с четырех сторон света четырьмя временами года. Потом я забыла об этом, но сейчас вспомнила. Тут все, как я когда-то мечтала.

– Все? – он как будто хотел мне что-то подсказать.

Я задумалась. В общем, это невысказанное счастье – жить в мире, созданном тобой же. Или что-то тут недооволощено из моих мечт? Или чего-то я недомечтала?

– Я здесь поэтому? Потому что, узнай я о каком-то тайном изъяне моего мира после смерти, я не смогу его исправить?

Старик кивнул. Я вдруг заметила, что за время нашего разговора он сделался меньше. То есть он был по-прежнему высоким, но все-таки не таким великанским, как сначала. Осталось в нем, наверное, около двух метров.

– Но я не знаю, что это за упущение. Надо подумать, побыть здесь подольше.

– Тебе лучше побыть тут одной, – сказал старик хитровато. Он поднялся. Длинные одежды волочились по земле. Двух метров в нем, конечно, не было. Хорошо, если он был чуть выше меня. Я смотрела, как он удаляется, волшебным образом не путаясь в белых складках. Что-то изменилось в его походке, я не сразу поняла, но она стала какой-то более подвижной, что ли? Она стала – женской?!

В этот момент старик обернулся и посмотрел на меня новым лицом. Старым знакомым, все еще женским, лицом. Тем самым, которое каждый день смотрело на меня из зеркала.

– Да, – подумала я, со всей безысходностью понимая, что оставила сигареты дома в сумке, – это, в самом деле, серьезно. Одиночество, конечно, для меня дело привычное, но обречь себя на него на всю жизнь после смерти – надо десять раз подумать.

Мне захотелось вдруг подумать с другой стороны зеркала. Без особых приключений вернувшись в темную ванную, я пошла в спальню (на электронных часах было зеленое без трех минут двенадцать, идиоты электричество не отключали, надо бы в ванной лампочку поменять) сомнамбулически разделась и легла. В шесть часов пропищал будильник.

Стоя в подрагивающем поезде метро, я чувствовала, что изменилась. Ночное перемещение оказалось тем главным пазлом, благодаря которому мое представление о жизни и смерти начало складываться во что-то осмысленное. Мне стало страшно остаться навечно наедине с собой, погрузиться в себя, сослать себя без права переписки. Это как сойти с ума. Сумасшествие всегда пугало меня сильнее всякого физического уродства и урона. Но что делать с моим врожденным одиночеством, с моей неспособностью нуждаться в людях, любить людей так же, как времена года, оранжевый цвет и мандариновое варенье – я не знала. Я никогда не умела пустить в себя другого человека, зная, что окажусь совершенно незащитной на своей территории. Пустить в себя, разобрать баррикады, расслабиться «а, пусть делают, что хотят», наблюдать, свидетельствовать?.. Странно, кажется, теперь я могла себе это позволить.

Дикторский голос патетически объявил мою следующую остановку. Кто-то из вошедших уверенно пихнул меня в бок, но я удержалась на ногах, более того, я ближе продвинулась к двери. Несколько человек поменялись между собой местами, я стала совсем удобно, посмотрела на несущуюся ночь подземелья в окне, помаргивающие отражения пассажиров и увидела старика из зеркала. Он сидел в своих длинных одеждах, держа посох между колен, и смотрел на меня в упор. Поймав мой взгляд, он улыбнулся. Я резко обернулась. Старик спал, приоткрыв рот, покачиваясь в такт движению поезда. На нем была черная кожаная куртка, кашне, волосы и борода были достаточно короткими, но все-таки это был он. Я снова посмотрела в стекло окна, но в это время поезд выехал из тоннеля на воздух. Когда мы вернулись в тоннель, старик в стекле уже не отражался. Но что-то еще было не так. В стекле не отражалась я. Я дотронулась до его поверхности, и она знакомо поддалась.

Проза для меня – вид разбегающейся тоски по поэзии. Всегда.

Александр Иличевский

Из книги «НЕ-ЗРЕНИЕ»

2000

+ + +

Итак, мы только косточки
точнейшего из снов,
чья мякоть сладко-теплая
растет из зренья, слов –
из бормотанья сонного,
объятий сна и тел,
слюны, чего-то темного
и белого, как мел.

+ + +

Зима. Размером с сознание.
Чашка с кофе, лимон, белоснежная скатерть.
Застывший профиль. Подвешенная беседа.
Если встать, отодвинуть штору, распахнуть окно,
то полчище духов метели ворвется,
расплескав существованья вокруг, по щекам, –
исколов, истает. Призраки,
они исчезают в тепле моего лица...
Я возвращаюсь, допиваю кофе.
В комнате еще пахнет свежестью
морозного воздуха – их присутствие тает.
Сигарета дымится. Желтеет лимон. Профиль
оборачивается к вам, чтобы всмотреться.
Слезы мешаются с каплями тающего снега.

+ + +

Я зашел в магазин, чтобы купить яду.
Я зашел в магазин, чтобы купить себя.
Мне сказали: – Зайдите на углу в аптеку.
Мне сказали: – Зайдите на углу в аптеку.

Магазин оказался компьютерным салоном.
Товар в нем был добротный и нужный.
Я поразмыслил и ушел в аптеку.
Я поразмыслил и ушел в аптеку.

За кассой там сидела смерть и пробивала чеки.
За кассой там сидела смерть, лицо ее лоснилось.
Она обсчитала меня на два рубля.
Она обсчитала меня на два рубля.

Я сделал вид, что ничего не заметил.
Я сделал вид, что ничего не знаю.
Спрашивается, зачем?
Спрашивается, когда?!

Ведь я бы мог жить у моря,
проводя лето в воде или в горах, зимой
гулять по пляжу и возвращаться в теплом
тумане домой, поднимаясь по узким
на ощупь улочкам, с трудом
раскуривая влажную сигарету. Дома
я бы открыл окно и долго видел
невидимых чаек, крикливыми призраками
снующих в молочном зрении. Ближе к ночи
я бы растопил буржуйку и в ее пламени
наблюдал бы увлекательное представленье...
Во сне я время от времени мог бы встречаться с собой,
и я бы пользовался сном, как зеркалом.

Почему я пишу что-то кроме стихов? Поэзия - язык небожителей, а мы, как известно, жильцы двух миров (я, по крайней мере), вот и приходится говорить не только на ангельском, но и опускаться до эссеистики. Переводить с небесного на земной, говоря иначе. Для меня, как священника, это еще и например, о религиозности Мандельштама или Дениса Новикова, о чем мало кто говорит, как и о религиозной природе поэзии как таковой...

Константин Кравцов

ЗАОСТРИТЬСЯ ОСТРЕЙ СМЕРТИ

И дикий лай переложу в псалом
как подобает сукиному сыну

Денис Новиков

Из книг новейших авторов эта была единственной, вызвавшей у меня шок – культурный ли, другой ли какой – Бог весть. Тот шок, после которого смотреть на вещи вообще и на поэзию в частности прежними глазами уже невозможно. Разве что «Воронежские тетради» и отчасти Георгий Иванов несли в себе такой трагический заряд. Называлась книга «Самопал», автором был мой однокурсник и приятель – именно приятель, не больше, но и не меньше – по двум первым литинститутским годам. После я потерял его из виду, и по возвращении странника, эмигранта, а после реэмигранта, из «заморских краев корабельных» не видел ни разу. Так что эта имеющая быть заметка ни в коем случае не воспоминания, а попытка ответа на один из существенных вопросов, поставленных явлением «Денис Новиков», так и не получившим, на мой взгляд, адекватной оценки.

Вопрос этот сотереологический, то бишь касающийся «спасения», а именно – автора, в данном случае конкретного, а не того, что, как известно, умер вслед за Богом и человеком. Вопрос, являющийся вопросом лишь для верующего, так что вполне удовлетворенному своим агностицизмом агностику можно и не читать дальше. В отношении же Новикова это вопрос не праздный для понимания его поэтики и его судьбы, так как, судя по стихам, Денис думал на эту тему и красивым двадцатидвухлетним, и позже, когда из красавца превратился в развалину, как утверждали те, кто его встречал в конце девяностых.

Итак, вопрос вот в чем: пожрет ли пресловутое жерло лучшее, что мы могли дать и что неразрывно связано с нашей здешней и посмертной судьбой? Речь, разумеется,

не только и не столько о «литературном бессмертии», сколько о высшем оправдании поэзии и, соответственно, поэта. Не поэзии и поэта вообще, так как таковых попросту не существует, а отдельно взятого ничтожнейшего из детей ничтожных мира. Вопрос о том, будет ли его риск жить для стихов признан *там* законным наравне с известными жизненными стратегиями и тактиками, заведомо богоугодными. Или, иными словами, не слишком ли много взял на себя Денис Новиков, равно как и любой другой стихотворец, решившийся, как и он в «Самопале», стать в слове дымом жертвенника, чтобы достичь Слова?

Дымом до ветхозаветных ноздрей,
новозаветных ушей
словом дойти, заостриться острее
смерти – при жизни умей.

Возможно ли это? Является ли евангельским «узким путем» и вот этот, тоже ведь узкий путь, уже которого уже и нельзя себе представить поэту, не говоря – выбрать? Может быть соотнесен «крест поэта» хотя бы отчасти с тем самым, спасшим мир, и остающимся, согласно Новикову, все тем же и для него?

Не меняется от перемены мест,
но не сумма, нет,
а сума и крест, необъятный крест,
переметный свет.

Ненагляден день, безоружна ночь,
а сума пуста,
и с крестом не может никто помочь
окромя Христа.

Сума и крест – больше ничего. Какая там литература! Да и раньше – была ли? Скорей, была, по Верлену, ее противоположность – «музыка»:

Нас тихо сживает со света
и ласково сводит с ума
покладистых – музыка эта,
строптивых – музыка сама

То есть не просто опасная зона, а самое наипаснейшее в этой зоне место, предназначенное лишь сумасшедшим из сумасшедших: «музыка сама», музыка музыки, так сказать, ее исток. Но исток, начало, – вместе с тем, как известно, и конец. Денис чувствовал это острее других: «писать стихи – это умирать», – сказал он как-то раз в застолье на полном серьезе (аудиозапись из архива Вити Куллэ). Причем, живя исключительно для «музыки», точнее – умирая ради нее и в ней, умирать для мира

не только здешнего, но и для «Царства», если в нем не продолжается «наша пирушка на книжном развале, на развалинах двух злополучных держав», если слепящий, как в прозекторской, Свет и командный Голос, рассеют, убьют «голоса и свеченья, любезные нам». Как бы то ни было, не вызывало сомнений одно: все в жизни должно быть принесено в жертву поэзии, которая, по Новикову, если и ложь, то ложь во спасение. И не только «рано погибшего автора», если понимать под «словом, которого нет на земле», «последним словом», оправдывающим «и вот эту любовь, и вот ту, и меня, и зачатых в любви, и живущих во зле» не только Слово, бывшее в начале, не только Слово Поэта, а и слово поэта (текст допускает и то, и другое толкование, да и не близки ль они, в самом деле, эти слова?).

Мне трудно назвать другого автора, чьи стихи в такой степени, как у Дениса, характеризовались бы переходом от отчаянья к надежде и от надежды к отчаянью и который бы при этом в самом отчаянии не переставал быть верующим. Считая, например, что в «Царство» ему, поэту, – как, возможно, и поэту вообще, – путь туда заказан, он не подвергал никакому сомнению его, Царства, существование. Однако эта не отличающаяся оригинальностью романтическая установка, путающая Царство Христа с «Республикой» Платона, откуда поэты, как известно, изгоняются вон, это разведение по разным направлениям пути «спасения» и пути «творчества» после тридцатилетия переосмысливается Денисом неожиданным и, насколько мне известно, никем так и не замеченным образом.

Писать стихи по-прежнему означает умирать, но речь в приведенном здесь первым четверостишии из стихотворения, написанного в рождественский сочельник 97-го, идет уже не о «музыке» и не о «музы́ке», а о восходящем с жертвенника дыме – «дыме обратном из неба Москвы», дыме «фабрики полуживой», в которой поэт видит самого себя. Словом, направления упомянутые выше пути соединяются в один. И писать стихи означает не только умирать, но и «заостриться острее смерти», *смертью смерть поправ*.

Что ж, «слова поэта суть его дела», – заявил когда-то Пушкин. И еще: «от слов своих осудишься, и от слов своих оправдаешься»... От слов! Они же и дела, без которых вера – мертва. Но достанет ли припасенного елея в светильнике? Хватит ли сил «дойти»? Евангельский ответ относительно спасения однозначен: человеку это невозможно. И прибавлено: но не Богу. И Новиков знает об этом, знает, что «с крестом не может никто помочь окромя Христа». Следует ли из этого, что и «Самопал», и последовавшее за ними молчание, и исчезновение Дениса из поля зрения едва ли не всех, знавших его когда-то, диктовались соображениями чем-то близкими тем, по которым уходят из мира, уходят в затвор, принимают схиму?

Я не знаю причин, по которым он порвал со своим «литературным окружением», не знаю, пытался ли вписаться, – а если да, то как? – в игру по новым правилам, но, если обратиться к стихам, его позиция была – в отличие от большинства товарищей по цеху – радикально нонконформистской и по отношению к происходящему в стране (со страной), и по отношению к «литературному процессу», казавшемуся ему клоунадой:

Не бойся ничего, ты Господом любим –
слова обращены к избраннику, но кто он?
Об этом без конца и спорят Бом и Бим
и третий их партнёр, по внешности не клоун.
Не думай о плохом, ты Господом ведом,
но кто избранник, кто? Совсем забыв о третьем,
кричит полцирка – Бим! кричит полцирка – Бом!
Но здесь решать не им, не этим глупым детям.

Эти строки можно было бы счесть реакцией на «чемпионат поэтов», затеянный уже после смерти Дениса. Но что культура отныне и, возможно, навсегда превращается в рыночный балаган, что «святое ремесло» перестало быть святым теперь и в России, превратилось в лучшем случае в частное дело и для святых, и для просто ремесленников – если не для дельцов, было ясно уже тогда, в середине девяностых.

«Русская поэзия – как Советский Союз, – заметил Денис в 98-м в интервью не то польскому, не то чешскому журналу. – Вчера это казалось незыблемым. Сегодня флаг спустили. Мы же все знали всегда, что на Западе давно стихи не читают. А у нас читают, потому что мы – другая страна. И вот в этом смысле мы вдруг стали таким же Западом. Грубо говоря, в этой стране перестали читать стихи так же неожиданно, как изменилась экономическая система».

Замечу в скобках, что с точки зрения поэта, ориентированного на Традицию, стать в культурном «тем же Западом», означает стать «бесплодной (буквально, по Элиоту, проклятой, обреченной на бесплодие) землей». Землей полых людей, «пренебрегающих ликом, отвергающих глас в угоду жалким шуму и крикам» («Пепельная среда» в переводе С. Степанова). При «совке» поэзия воспринималась именно как «глас»; в пост-, а на деле – антихристианском обществе (антихристианском не по официальной версии, как в СССР, а по сути) она делит участь прочих «традиционных ценностей», по самой своей природе не могущих быть рыночными.

Что же в этом случае прикажете делать поэту, если он не Бим и не Бом? На что, а главное – зачем, для чего и для кого ему жить? Времена избранников прошли, да и в лучшие времена избранник зачастую не уверен в своем избранничестве. А вот что касается того, что он «ведом», Денис знал с детства. Как все началось? Ответ из того же интервью: «Когда я был маленький, я молился. Может, нельзя это все рассказывать... Мне кажется, что я не писал тогда стихов. Все началось с игры в буриме, в которую мы играли с мамой. Эти поездки по Москве: сядешь в метро, ребенок еще, и едешь куда-нибудь, и скучно невероятно. И мама меня развлекала игрой в буриме. Я довольно быстро отказался от предложенных условий, потому что там рифма задана. А я как раз тогда понял, и до сих пор думаю, что рифма всего главнее. В стихах. Потому что это чудо. Все остальное – не чудо. Ну вот, и что-то такое кольнуло в сердце. Я помню: еду в вагоне метро. Мне совсем мало лет, может быть, восемь или девять. А я время от времени в те годы обращался с такими страстными молитвами к Богу. И помню, я

сказал: Господи! Я хочу быть поэтом. Но я не хочу быть великим поэтом, это слишком. Я хочу быть средним. Жуткая ирония! Это была в то время моя тайна и некая причуда, игра в буриме... игра с самим собой... И вот мне в какой-то мере все по молитве воздалось. И все! И может быть, я уже дальше никуда и никогда не двинусь».

Так и случилось: в новом столетии-тысячелетии Денис не написал ни строки. Почему – к этому вопросу мы еще вернемся, а пока еще один вопрос – ответ, оттуда же:

– Цветаева утверждала, что поэт к двум строчкам, данным Богом, придумывает две свои. У вас это происходит так же?

– М-м, потрясающе, меня устраивает эта формула абсолютно. Раньше я думал, что это филология. То есть волнение искреннее, а вот выражение этого волнения в словах – это филологическая задача. Сейчас мне кажется, что это не так, что есть идеальные стихи, они написаны. Надо просто точно их воспроизвести. Словно Бог нашептывает мне слова. Хотя смешно: как будто Богу нечем больше заниматься, кроме как мне нашептывать, да? Но что-то в этом есть. Что-то есть в этом. Божественный фактор мы не исключаем.

Не помню, где это сказала Цветаева, но именно так, именно этими словами, говорил о создании стихов «первый святой из поэтов и первый поэт из святых», как именуют его католики, испанский мистик и аскет XVI века Хуан де ла Крус (Иоанн Креста).

Итак, стихи не только начались, но и продолжались как своего рода буриме. И прекратились, видимо, прежде всего по причине уклонения от игры Того, Кто по странной причуде нашептывал Денису слова. Но означает ли это прекращение *радостного* (курсив мой) «богообщения», этой *как бы* (курсив снова мой) игры Отца с детьми, «жмурок и прятки Духа» (подлинно свободное искусство по Мандельштаму)? Или лишь меняются условия игры, потому что дитя подросло и от одних игр пора переходить к другим? Если вспомнить, что «высокая болезнь», – всякая духовная активность, а не только поэзия, – есть, по сути, молитва, а совершенная молитва творится без слов, то значит коммуникация поэта с Поэтом может продолжаться и без затрат на «искусство». В самом деле, так ли уж необходима строка, чтобы дышали в тебе почва и судьба? Они и говорят в воздушных, как правило, коротких стихах-вздохах Дениса незадолго до его ухода:

еще моя молитва
не произнесена
еще на грунт палитра
не перенесена

она на самом деле
не так уж и бедна
но краски оскудели
и вся земля видна

Вся земля – это вся жизнь, жизнь всех и вся. И что такое это оскудение, как не единственная возможность увидеть, наконец, всю землю как есть, без прикрас? И разве это не ответ «неба», бывший всегда и раньше необходимым условием «творческого процесса», благословением, говоря на понятном Денису языке?

Обступает меня тишина,
предприятие смерти дочернее.
Мысль моя, тишиной внушена,
порывается в небо вечернее.
В небе отзвука ищет она
и находит. И пишет губерния.

При этом, возвращаясь к нашей теме, вспомним и такое наблюдение Новикова, сделанное как бы со стороны:

Как писал, изменялся в лице.
Так меняется у мертвеца.

И лицо умершего, и лицо поэта «за работой» – лицо путешественника. И одно путешествие есть подготовка к другому, самому долговому. Поэзия, таким образом, как и философия, есть «искусство умирать», отличающееся от последней тем, что она, поэзия, – первичней. Для поэта любая мысль кроме поэтической есть ложь, потому что она – умозаключение по поводу, а не проникновение всей жизнью, сердцем, а не только рассудком в то, что заключается в мертвую схему силлогизма. «Мысль изреченная» – ответ, а не найденный в «небе» блаженный «отзвук», сохраняющий поэтической «мысли», не изреченной, но выраженной на небесном наречии, ее неизреченность. Иными словами, словами Дениса, философ «покладист», поэт «строптив». Разве это не строптивость – порываться в небо, вместо того, чтобы обстоятельно исследовать и тишину, и рожденную в ней мысль? Потому и не возникает обычно при чтении оперирующего понятиями изыскателя «ощущения ускорения души, преодолевающей тяготение эпохи и биографии», возникшего у Бродского от «пера» Дениса Новикова (послесловие к книге «Окно в январе»). Философ вглядывается в «ионосферу», поэт в ней живет. И что такое вечность, как не преодоленное «тяготение эпохи и биографии», не конечный пункт, где поэт только и может остаться красивым двадцатидвухлетним?

«Музыка» наиболее скоростной транспорт туда, подстать мучительным, неизлечимым болезням, о которых, видя в звездах точки на географической карте, вспомнил Ван Гог, писавший брату: Тео: «Вполне вероятно, что холера, сифилис, чахотка, рак суть не что иное, как небесные средства передвижения, играющие ту же роль, что пароходы, омнибусы и поезда на земле. А естественная смерть от старости равнозначна пешему способу передвижения».

Так что надо бы говорить не столько о *разрыве* Новикова с «литературным процессом» и движущими им персоналиями, сколько об *отрыве*.

И вот еще что интересно: строка «не бойся ничего, ты Господом любим» – нашептанная или дописанная? Насколько могу судить и по этой, и по многим другим строкам Дениса, он и не боялся всерьез ничего, никого кроме Бога. Потому и «проторил дорогу в изгнание», как сказал о себе Эзра Паунд. Потому и умер в 37 лет нищим на Святой Земле. И здесь уместно вспомнить еще одно высказывание Мандельштама: о смерти художника как о высшем акте его творчества.

«Поехали по небу, мама», – обратился Денис к России в 92-м, «как сын, устыдившийся срама», и местом своей смерти, местом своего «последнего упокоения», напомнил о небе с такой определенностью, с какой смерть русского поэта на нашем веку еще не напоминала.

10 января 2008

...Я хотел бы ни о чем
Еще раз поговорить,
Прошуришать спичкой, плечом
Растолкать ночь - разбудить...

О. Э. Мандельштам

Наверно, я с самого детства знал, что противостояние «мировой ночи» начинается с этого «ни о чем». Гуляя по Кривоколенному с бабушкой и пытаюсь запахнуть в себя то невообразимое количество культурных ассоциаций, которые ей были свойственны – имена архитекторов, бывших владельцев, великих «жильцов», – я, похоже, испугался навсегда... Хотя бы того, что если уж и это никто кроме моей бабушки да какого-то Федосюка, которому она, видите ли, подарила какие-то письма, проясняющие что-то ташкентское в биографии какой-то там Черубины, если уж про таких великолепных людей никто из прохожих ни гу-гу, то что же тогда жизнь моих родных? Дед все твердил, попадая ножкой стула в выпавший сучок дощатого пола на веранде: «Не записанная жизнь не прожита!». Бабушка все составляла альбомы (вон они в добром десятке чемоданов лежат в дальней комнате у отца), в которых аккуратным, но зибзическим почерком бывшей гимназистки подписывала странствия семьи... Я-то кому это все произнесу, передам? И вообще, как я все это разложу «по полочкам»? Природная лень и доставшаяся от природы память, которая оказалась нелепой и не смогла упиваться «простором числа», – эти двое превратилась в некий смутный импульс.

Или занозу, если хотите.

Потом, уже в конце восьмидесятых, как-то само собой получилось, что я начал рассказывать о русской поэзии разным «присевшим на школьной скамейке». Это были то будущие экскурсоводы, то студенты Литинститута, то элитные, а то и совсем провинциальные старшеклассники. Но история литературы все-таки выступала фоном. А главное, что мне хотелось расслышать, так это то, как стихотворение дышит одним с нами воздухом. И вот, когда меня попросила одна «организация» написать о поэзии XX века некое подобие лекций для «учителей», я стремительно вывалился примерно на полгода и написал «ничто». Почему «ничто» спросите вы? Да потому, что адресатом оказался и не учитель, и не школьник, и даже не студент филфака. В собеседники себе я выбрал несколько поэтов, с которыми знаком лично, и... тех, кто не знает, что любит поэзию, потому что повседневная жизнь старается сделать их глухими. Это ничто я правлю вот уже пятый год подряд... Этому «тексту» я пытаюсь задать вполне неудобные для себя вопросы. В нем я пытаюсь пройти между Цицлой филологии и Харибдой эссеистики. Это мой самый пространный черновик... И я надеюсь, что так и буду его править до конца жизни.

Алексей Кубрик

Отрывок из книги «Обращение символа»

Конечно, поэзия насквозь диалогична. Георгий Иванов и Владислав Ходасевич в относительной свободе эмиграции беседуют с Анненским или Блоком чаще, чем с другими. Петербурга в Париже или Берлине больше, чем в Петрограде. Ни ритмы, ни прямые аллюзии и тонкие реминисценции не исчерпывают диапазона этого диалога. Какую-то скрытую его часть можно почувствовать, сказав, что они дышат одним с ними воздухом. Вот, например, довольно значимое для нашего разговора стихотворение еще не эмигрировавшего Ходасевича.

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу – и лба не хмрю.
Ведь знаю: сердце все равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет – беды не много в том!
Забыты мы – и то не плохо.
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

4-6 февраля 1922, Москва

Стоит только немного изменить зрение, и можно увидеть – сквозь самое ритмически мощное у юного Пушкина «погасло дневное светило» – не только прямые ассоциации к «Незнакомке» и лермонтовскому «Парусу», но и то, что в «Незнакомке» дальним оказывается ближайшее. Тот берег, на котором «стоят» и прибрежный ресторан Блока, и лирическое «Я» поэта в первой строфе «Паруса», и с которого так мгновенно он переносится в бурю и, далее, в незримую земными очами странническую обитель между небом, сушей и морем. Да и то, что осколки этой «бури» есть в бокале с вином, там же, где и истина, без этого стихотворения увидеть было бы непросто. А тот простой факт, что Блок своей «Незнакомкой» разговаривает с двойным странствием к себе Пушкина-Лермонтова? Согласитесь, что просто указать на наличие этого диалога недостаточно. Надо еще и различить слова-молчания этих прописей «сияния и тьмы». Пушкинские свето-воздушные перебои, когда «грозная прихоть обманчивых морей», «безумная любовь», «земли полуденной волшебные края» – тьма и свет – начинают странствовать друг в друге. Их догоняют лермонтовские «струя светлей лазури» и «луч солнца золотой» сразу после бури сердца. Это и есть некоторые из тех слов, которые Блок вынес за текст, чтобы на их острие

накинуть покрывало новых смыслов. Тьма и свет оказались уравновешены вновь, в более гибельном мире. «Незнакомка» светоносна, несмотря на пропитанность и пресыщенность «темной музыкой». Легко ли было увидеть свет без Ходасевича где-то помимо «кренделя булочной» и «вретенного солнца»? Если и да, то не так полно.

Но символические интертекстуальные связи возможны, даже если нет явного параллелизма образов. Так, в самом часто цитируемом в антологиях стихотворении Бориса Поплавского «Черная мадонна» совпадает с «Незнакомкой» Блока препозиция горнего и дольного, светлого и темного, звучащего и немом. Музыка, которой они «пропитаны и пресыщены», звучит по-разному, но из одной оркестровой ямы. Это происходит, между прочим, независимо от ритмического рисунка стихотворений, а в случае с Блоком и Гумилевым – еще и поверх их идеологических установок.

В другом стихотворении, написанном примерно в то же время и опубликованном как дополнение к сборнику «Флаги», Поплавский сумел соединить «Парус» и «Незнакомку» еще более открыто. При этом он пригласил еще мощнее и уже упомянутые («Пьяный корабль» Артюра Рембо, «Плавание» Бодлера, концовку пушкинской «Осени», «Пироскаф» Баратынского), и «Сирену» своей современницы Анны Присмановой, и многие другие странно-странствующие стихи. Позволю себе поставить стихи Поплавского и Присмановой рядом, хотя для полноты картины вам придется самим добавить, кроме уже упомянутых, еще и «пароходики-ялики» Ю. Одарченко и Г. Иванова да еще десяток другой «круизов» по водам, образованным слезами Критского Старца.

Мальчик смотрит, белый пароходик
Уплывает вдаль по горизонту,
Несмотря на ясную погоду,
Раскрывая дыма черный зонтик.

Мальчик думает: а я остался,
Снова не увижу дальних стран.
Почему меня не догадался
Взять с собою в море капитан?

Мальчик плачет. Солнце смотрит с высей
И прекрасно видимо ему:
На корабль голубые крысы
Принесли из Африки чуму.

Умерли матросы в белом морге,
Пар уснул в коробочке стальной,
И столкнулся пароходик в море
С ледяною черною стеной.

А на башне размышляет ангел,
Неподвижно бел в плетеном кресле.
Знает он, что капитан из Англии
Не вернется никогда к невесте.

Что, навек покинув наше лето,
Корабли ушли в миры заката,

Алексей Кубрик

Где грустят о севере атлеты
Моряки в фуфайках полосатых.

Юнга тянет, улыбаясь, жребий,
Тот же самый, что и твой, мой друг.
Капитан, где Геспериды? – В небе.
Снова север, далее на юг.

Музыка поет в курзале белом.
Со звездой на шляпе в ресторан
Ты вошла, мой друг, грустить без дела
О последней из далеких стран,

Где уснул погибший пароходик
И куда цветы несет река.
И моя душа, смеясь, уходит
По песку в костюме моряка.

Сирена

В. Корвин-Пиотровскому

Старались мы сказать на сей земле
о жажде и ее неутоленьи,
о крике скорби, рвущем нас во мгле,
и остановленном в своем стремленьи.

Но нам навстречу тянется в тиши
влекущий нас, призывный и прощальный,
крик парохода, крик его души,
уже плывущей в сумрак изначальный.

Взбиваемый нутром и головой,
просачивающийся даже в ноги,
сей выпранный и допотопный вой –
слияние покоя и тревоги.

Во мглу и в ночь уходит пароход.
Но стон сирены как бы замер в оном.
Так рыцари в крестовый шли поход,
напутствуемые церковным звоном.

И мы, душа моя, вот так, точь-в-точь,
утратив до конца остаток спеси,
уйдем – вдвигаясь неотступно в ночь,
не много взяв и ничего не взвесив.

Сирена ждет нас на конце земли,
и знаю я – томленье в ней какое:
ей хочется и чтоб за нею шли,
и чтоб ее оставили в покое...

Так воеет пароход, и воеет тьма.
Противодействовать такому вою
не в силах я. Я может быть сама
в трубе такого парохода вою.

Мотив странствия по сути дела неразрывен с мотивом «alter ego» и мифологемой «вещего сна». Более того, у меня есть ощущение, что «странствие» главенствует над всеми другими сюжетами мировой литературы. А вот вторым по «значимости» идет «alter ego», который чаще всего неразрывен с вещим сном. Наверно, раздвоение (космическое превращение одного в два) надо все время удерживать от дальнейшего распада, и поэты приходят в этот мир, чтобы присягнуть этому «вечному возвращению». У Одиссея почему-то есть Одиссей; у Петера Шлемеля – утраченная тень, невиденная любовь, искусство догонять потерянное навсегда; у Тристрама Шенди за спиной все время маячит чудесный родственник, дядя Тоби; Дон Кихоту мешает то Сервантес, то Санчо Панса; Мастер переписывает то ли наш, то ли пилатовский «покой» в «вечном доме» Воланда...

Естественно, что и интертекстуальные связи «Незнакомки» в русской поэзии не ограничены вышеперечисленными. Оставим их список открытым: Г. Иванов «Свободен путь под Фермопилами...», В. Ходасевич «Берлинское», Б. Окуджава «Не бродяги, не пропойцы...», «По смоленской дороге...», Вертинский «Матросы»...

...Так редко поют красиво
В нашей земной глуши...

Символическая одновременность, которая по сути дела должна воплощаться в процессе любого «медленного чтения», – это не столько термин или еще один прием анализа, сколько метанойя, т.е. такая перемена ума¹, которая отсекает медленно вошедшую от Просвещения до позитивизма формальную логику. Ведь в основании последней лежит упрощение ума (гр. νοος), развоплощение его в раз-ум. Ну а что бы ни осилил этот «раз-ум», хотя бы и творческий, он все равно убивает живое. Блоковский «Художник», с цитаты из которого начинался наш разговор о поэзии, помимо дидактичности, тем, наверно, и настораживает. Между прочим, первоначально он назывался еще определеннее – «Творчество». В своей «трилогии вочеловеченья» Блок поставил его рядом с «Поэтами», а это подсказывает, что можно и не отождествлять лирическое «я» и автора ни в том и ни в другом случае. И все-таки. Сначала вроде бы все хорошо: «...Длятся часы, мировое несущее, //ширятся звуки, движенье и свет. //Прошлое страстно глядится в грядущее...». А впадающий в гордыню, в смертельную скуку поэт ждет, чтоб его спугнул «легкий, доселе неслышанный звон», который и возникает «на пределе зачатия // новых еще неизведанных сил...». И вот уже всепоглощающая бездна разверзается и в творении:

...душу сражает как громом проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

¹ Одной из действительных онтологических проблем русской ментальности является то, что при переводе «Септуагинты» метанойя была переведена как покаяние, и в результате жертвенный аспект заслонил умное преобразование. Жертвоприношение же спрофанировать намного легче, чем медитативное преобразование. Поэзия же ничего не забывает, ее молитвы всегда покаянны в исконном смысле этого слова. Может быть, поэтому она умеет ничего не просить.

В этом убийстве есть одна трудная истина: в материальном мире нет ничего совершенного, а все, что способен создать человек, все-таки «чуть-чуть» мертво. Чем гениальнее художник, тем полнее он знает, насколько велика пропасть между его земным творением и тем эйдосом, который он «увидел-услышал» духовным зрением и слухом. Но может быть и иначе. Есть такой тип (антипушкинский) взыскательного художника, которому, в силу того, что речь небес состоит из молчаний разного уровня, все только кажется недорасслышанным. «Сомнение неизменный спутник страха...». Блока такой средиземный страх не покидал никогда. Он, наверно, был очень удивлен, когда Бог огласил ему список его шедевров...

Интересно, что с точно таким же названием есть и малоизвестное стихотворение у Ахматовой, которым мы и закончим эту главу. При разговоре о символической одновременности первые его строки надо бы вообще все время держать в уме:

Творчество

говорит оно:

“Я помню все в одно и то же время,
Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке
Несу, а в недрах тайно зреет семя
Грядущего...”

1959 г.

Отрывок из текста «Диета»:

2.08.06.

Года полтора назад я начала писать длинный текст, вставляя в него куски из разного старья. Написала пять глав, и это страшно мне надоело. Каким нужно быть занудой, чтобы писать так длинно. А знающие люди говорили, что прозу нужно писать ежедневно. Я спрашивала: «О чем писать каждый день? Мне совершенно не о чем». Один литературный знакомый сказал, что так кажется, пока не сядешь за компьютер. Я знала, что мне давно переходить от стихов к прозе, от кочевого образа жизни к оседлому, по примеру предков. Кстати, один из них когда-то изваял роман под названием «Поворот с дороги предков», что-то из колхозной, кажется, жизни. Хотя некоторые ехидствуют, что, мол, не о чем беспокоиться, переходи – не переходи, все равно мои стихи от прозы не отличить. Кругом – враги! Но я-то знала, что переходить надо, но полагала, что еще не время. Ровно год назад, 2 августа 2005 года, я читала какую-то книгу и увидела, как по ней ползет комар. Я отложила книгу в сторону, села за компьютер и набрала: «По верхнему краю книжной страницы, отбрасывая тень, ползет комар с одним крылом». С этого момента я решила посадить себя на диету – писать что-нибудь каждый день. Оказалось, что это не так уж трудно, интересно ли это читать – вопрос уже другой. Теперь я могу вернуться к длинному тексту. Его название совпадает с жанром – «Бла-бла-пада».

P.S. от 18.11.07.

Название «длинного текста» несколько изменилось, сейчас он зовется «Бла-Бла-пада, или жаловаться грех», а я чувствую себя суровым тружеником с обветренным лицом, а не безыдейным мотыльком, каковым себя ощущала, когда из меня непредсказуемо и нерегулярно лезли стихи. Впрочем, и в том, и в этом есть своя радость.

Мара Маланова

Декабрь

1.12.05.

Дождь.

«У кетчупа высокая лояльность потребителей».

Мне уже не «за тридцать», но еще не «под сорок»

2.12.05.

Вчера была в одном учреждении. Там около компьютера сидели два мужчины и женщина, все в верхней одежде. Они о чем-то бурно спорили. На мониторе красовался гроб, расписанный чуть ли не под хохлому.

На улице потенциальным избирателям вручают кроссворд: «Заполните пропуски и Вы узнаете, кто способен нам помочь». Взглянув на него, понимаешь, что те, кто все это сотворил, убеждены, что «этим дебилам уже никто не поможет».

На крыльце торгового центра «Дружба» замерзшие люди раздают листовки «Объединенных демократов». Внутри центра, в супермаркете звуковая реклама предлагает что-то, произведенное «Объединенными кондитерами».

3.12.05.

Похолодало. Ветер.

Изобретена стиральная машина, не требующая воды, порошка и кондиционера. Может быть, ей и грязная одежда не нужна?

4.12.05.

Во сне слышала слово «карандашировать». Не могу вспомнить, в каком контексте.

5.12.05.

«Больная птица будет изъята, местные жители – провакцинированы» (птичий грипп в Крыму).

«Дальше крыс дело не пошло» (об экспериментах фармацевтической компании).

Снег.

Умер Владимир Топоров.

6.12.05.

Снег.

Рядом с подъездом объявление: «Найден ручной кот».

7.12.05.

Похолодало. Ветер.

Мама не любила ходить на выборы. Она говорила, что «нерушимому блоку коммунистов и беспартийных» нельзя ни помочь, ни помешать. Помню, что как-то раз в конце выборного дня с участка пришла девушка и сказала, что нужно идти голосовать. Мама сказала, что это дело добровольное. Девушка взмолилась: «Ну, сходите, что Вам стоит? Нас не отпустят, пока все не проголосуют». Мама пошла на избирательный участок. Она надела пеструю цыганскую юбку, которая своими воланами подметала тротуар. Меня это возмутило до глубины души: разве можно в таком виде голосовать? Лучше бы дома сидела.

Ира жила в общежитии в одной комнате с Айшой и Рейчел. Был референдум «да, да, нет, да». Айше было семнадцать лет, Рейчел была гражданкой другого государства. Голосовать могла только Ира. Айша и Рейчел встали пораньше и начали краситься и наряжаться. Ира спала. К ней подошла Айша: «Вставай, пошли голосовать. У нас в Темиртау на участках всегда продают очень вкусные пирожные». Ира перевернулось на другой бок. К ней подошла Рейчел и закричала: «Как ты можешь спать, когда решается судьба твоей родины!». Ира заткнула уши. К ней подошла Айша: «Если в Темиртау выбрасывают такие пирожные, то какие же будут в Москве?!». Рейчел перешла на шепот: «Ну, пожалуйста, пойдем, я не могу пропустить этот исторический момент. Иначе, зачем я вообще здесь?». И они пошли голосовать Иру. На участке Рейчел подошла к председателю комиссии и попросила разрешения с ним сфотографироваться. Он позволил. Она уселась рядом с ним, Ира навела на них объектив, в самый последний момент Рейчел схватила табличку с надписью «Председатель избирательной комиссии» и поставила ее перед собой.

8.12.05.

Мокрый снег.

В новостях обычно говорят: «Тут авиакатастрофа, там эпидемия, а здесь убийство. А теперь обо всем этом более подробно».

В метро реклама:

Национальный проект

«Небесная Одиссея»

С верой в Россию.

Экспедиция А. Бегака продолжает традиции великих русских полярников.
В. В. Путин.

Экспедиция на Южный полюс Александра Бегака создаст новые символы надежды.

(Она исследуют материк, прыгнет с парашютом, оставит капсулу будущим поколениям о том, что хочет мира на Земле).

На фото А. Бегак держит на ладони Земной шар, на рукаве у него нашивка с триколором и надписью «Россия». Рядом с ним стоит блондинка по имени Светлана Марченко без каких-либо опознавательных знаков.

9.12.05.

Недавно в передаче о пластической хирургии услышала новую для себя поговорку: «Не покрасневши, лица не износишь».

10.12.05.

В распорядке дня одного воспитательного учреждения значились пункты: «хождение по кругу», «работа с карандашами».

11.12.05.

Снегопад.

12.12.05.

Снег.

Когда от кашля прихожан
Не слышно пасторовых слов

У.Ш. в переводе Б.П.

Во многих русскоязычных книжках, как только дело доходит до секса, неизбежно возникает слово «койка».

13.12.05.

Дождь. Гололед.

Меня часто на улице спрашивают, как пройти туда-то или туда-то. Я отвечаю в одном случае из трех. Как-то я у кого-то спросила: «Ну почему у меня спрашивают, разве по мне не видно, что «сами мы неместные» (пятнадцать лет уже как неместные). И получила ответ: «Понимаешь, человека не так то просто остановить,

потому что у него есть цель, он куда-то спешит, а у тебя всегда такой вид, будто ты выгуливаешь невидимую собаку и не прочь поболтать с первым встречным».

14.12.05.

Весна. Сумасшедшее солнце. Лужи.

Как-то с одной американской знакомой искали в районе Арбата дом Константина Мельникова. Я спросила нескольких прохожих, никто из них не знал, где он находится. Знакомая сказала: «Ты совсем не умеешь отличать москвичей от приезжих, давай лучше я буду спрашивать». Она остановила одну женщину. Ее вид и мне казался очень московским, пока она не открыла рот и не заговорила по-немецки.

15.12.05.

Давным-давно один молодой человек декламировал Николаса Гильена в чьем-то, надо полагать, конгениальном переводе:

Где предел твоей длинноногости?!
Онемев, оробев, стою
И ловлю, как последние новости,
Журавлиную поступь твою!

Таким образом, он тонко намекал на мои короткие ноги. Чудак, после этого он еще на что-то рассчитывал.

16.12.05.

Снилось, будто мама говорит мне, что она «в свое время прожила семь лет в Хабаровске». Я спрашиваю: «Как тебе удалось прожить семь лет в Хабаровске так, что я этого не заметила?». Потом спохватываюсь: «Это, наверное, было до моего рождения?». Она говорит: «Нет, после. Ты просто очень невнимательная».

Потом снился Аркаша Селезнев. Он сказал: «Я стараюсь о людях хорошо не думать. Поэтому часто хожу пораженный их добродетелями».

17.12.05.

Такое впечатление, что следы оставляют только чеченцы.

18.12.05.

Моя бывшая коллега была недавно на одной свадьбе. Там она познакомилась с портнихой. Эта портниха шьет «энергетически незаряженную» одежду. Все портные

бессознательно заряжают свои изделия положительной или отрицательной энергией. А эта сознательно не заряжает никакой. Ее основные клиенты сатанисты. Очень они ценят «нейтральную» одежду.

19.12.05.

В подъезде на подоконнике несколько дней лежал любовный роман в мягкой обложке. Каждый раз, проходя мимо, я думала, что если он и завтра будет лежать на месте, то я его заберу и почитаю. Вчера роман исчез. А я все не могу вспомнить название: то ли «Любовь по-правилам», то ли «Любовь без правил». Если это будет сильно меня мучить, пойду в книжный.

20.12.05.

Гололед.

В метро стикеры: Национал-социализм
это не немецкое вчера

Национал-социализм
это русское завтра

Национал-социалистическое общество

Ниже дан адрес его сайта, а справа фото артиста В.Тихонова в роли штандартенфюрера СС Штирлица.

Несколько дней назад умер Елеазар Мелетинский.

21.12.05.

Холодно. Ветер. Очень мелкий снег. Там, где не лед и не лужи, настоящие сугробы.

Любовный роман опять появился в подъезде на подоконнике. Он называется «Любовь по правилам». Да ну его.

22.12.05.

Мелкий снег. По виду из окна на дворе лютая зима. Выходишь на улицу – тепло. Кругом сугробы. Бедные дворники. С другой стороны, за уборку снега им платят дополнительно. Может быть, они и рады.

Некоторое время я думала, что любовь – это такое некрасивое женское имя.

Когда мне было двадцать четыре года, я приехала в Улан-Удэ. Мне нужно было месяц каждый рабочий день ходить в учреждение, которое находилось на расстоянии одной автобусной остановки от моего дома. Я стала ездить туда на велосипеде. Однажды я встретила одного своего одноклассника. Он сказал, что спешит на Совет директоров, и добавил, что в моем возрасте на велосипеде катаются только сумасшедшие. Несколько дней я ездила на автобусе.

23.12.05.

О некоторых людях узнаешь только из некрологов. Одно время я пристрастилась читать некрологи в «Гардиан». В основном почему-то умирали шпионы и путешественники. Помню, как сидя на скамейке в Александровском саду, читала некролог, посвященный композитору Кренеку. В памяти осталась его фотография и словосочетание: «prolific output».

Женщина на улице кричит на сына: «Ты хоть знаешь сколько она стоит?!» Мальчик молчит. «Она стоит сто рублей! Ты хоть понимаешь, сколько это?!» Мальчик молчит. «Ты даже себе представить не можешь, сколько на эту сумму можно купить твоих вонючих чупа-чупсов!!!»

24.12.05.

Есть люди богатые, но не знаменитые. Интересно, бывают ли люди знаменитые, но бедные? Если исключить покойников, серийных убийц, и пресловутые пятнадцать минут славы для любого человека.

Ехали как-то с одной знакомой в метро. Напротив нас сидела женщина средних лет. Она читала любовный роман в мягкой обложке и плакала. Когда мы вышли из вагона, я спросила: «Интересно, она плакала над романом или о чем-то о своем, а читая его, пыталась успокоиться?». Знакомая слегка ударила меня по плечу и сказала: «Какая ты все-таки жестокая!».

Поэзия – одна великолепная цитата. А жизнь – собрание множества неточных. Некоторые из них – великолепны.

25.12.05.

Один приятель говорил: «Да, мы, художники, слишком много пьем. Так исторически сложилось. Но я не могу понять, с чего так квасят искусствоведы?» Это к вопросу о том, молчаливы ли ихтиологи.

Люди, заканчивая, телефонный разговор часто говорят: «целую», это же слово они иногда ставят в конце писем, телеграмм, электронных сообщений. Но в послед-

нее время я стала замечать, как на улице некоторые граждане, прощаясь, отходят на какое-то расстояние друг от друга и говорят: «Ну, пока. Целую». Это, видимо, следующая стадия после целования воздуха возле чьей-то щеки.

В магазине слышала женский крик: «Встретимся в антиквариате!», ему в ответ раздался мужской крик: «Через сколько лет?!».

26.12.05.

Госмашины с мигалками, судя по всему, прямые потомки «шалых автомобилей Временного правительства».

Первый паспорт мне вручила майор Свинобой.

27.12.05.

Снилось, что я в каком-то большом магазине ищу люстру. Время от времени мне звонят на мобильный разные знакомые и говорят: «Ты в Столешниковом? А я тут, на Кузнецком». Я выхожу из магазина и встречаюсь с ними рядом с какой-то парковкой. Мы говорим друг другу: «Привет!» и разбегаемся. Я опять иду искать люстру и думаю, что все мы – рабы условностей. Потом раздается очередной звонок, и я думаю: «Что поделаешь? Не проходить же мимо, если мы оказались рядом».

Потом был сон, который я не могу вспомнить.

В следующем сне я, сильно пьяная, сидела у себя дома в Улан-Удэ в туалете. Без света (*видимо, люстру так и не купила*). Передо мной возникали извилистые ленты какого-то сухого серо-синего пламени. Я испытывала невыразимый ужас. Со мной никогда такого не было. Ни во сне, ни наяву. Я вдруг поняла, что значит «адское пламя», «геенна огненная», «нравственные муки». Все это не имеет никакого отношения ко всяким житейским переживаниям. Я подумала: «Неужели пьяницы такое терпят? Я никогда больше ни капли не выпью. На свете нет ничего, за что можно платить такую цену. За что им такое, они ведь не убийцы?» Потом раздается стук в дверь и я слышу голос деда: «Что ты там делаешь?» Я отвечаю: «Как что? Слагаю гимны Господу». Он говорит: «Выходи. Я тоже хочу». Я говорю: «Я слагаю их не от своего имени, а от имени черного телефона. А он у нас общий». Почему-то это кажется невероятно удачной шуткой, и мы начинаем хохотать. Я вдруг понимаю, что это сон и думаю, насколько же во сне все сдвинуто: то, что кажется страшным и смешным во сне, вовсе не страшно и не смешно наяву.

Потом снился чей-то день рождения. Там показывали черно-белый фильм, в котором Егор Летов долго тонул в болоте. Потом он вышел к гостям, и они закричали: «Он с нами!». В какой-то момент ко мне подошла Лиза Т. с двумя чемоданами и ска-

зала, что ехала в командировку в Ленинград, но по ошибке вместо вокзала попала на этот шабаш, но она не о чем не жалеет.

Ах да, перед сном я читала один жутковатый мексиканский рассказ. Закончив его читать, я подумала: «Вечно испаноязычные авторы носятся со всякими ужасами. Делать им больше нечего». Не исключено, что я была жестоко наказана духами латиноамериканской литературы.

Проснувшись, я вспомнила, как бабушка во время своей последней болезни сказала, что только теперь стала понимать словосочетание «ад кромешный».

28.12.05.

Холодно. Очень мелкий снег. Его видно только под фонарями.

Как-то речь шла о всемирном съезде украинцев. Кто-то сказал: «Они встречаются в «Космосе». «Как?! В открытом?!» – ужаснулся кто-то в ответ.

29.12.05.

Снег. Ветер. Снежинки летят вверх.

Д. сказал про одного нашего общего знакомого: «Он так недавно умер, что вполне еще жив».

Меня принимали за узбечку, за таджичку, за уроженку дюжины африканских стран, за вьетнамку (за что чуть не ударили бутылкой по голове), за китайку, за «типичную жительницу Мадраса», за кореянку (при весьма драматических обстоятельствах), за японку, за латиноамериканку, за машинистку, за сестру моей матери, за нищую, за драг-дилера и т. д. Примерно раз в месяц мне на улице говорят: «Салям аллейкум!» и время от времени пытаются заговорить по-английски.

Вечером дождь.

30.12.05.

Моя соседка по «секции» в общежитии Айша по вечерам работала на контору, торговавшую таймшерами. Однажды вечером к ней пришла Эля. Я сказала, что Айши нет, она торгует таймшерами. «Какими торшерами? – спросила Эля. Я ей объяснила, что не «торшерами», а «таймшерами» – от слов «время» и «доля», это такая система, по которой можно купить неделю отдыха на таких-то островах зимой и неделю отдыха на сяких-то островах летом и т. д. «Каких только на свете нет мошенников!» – сказала Эля. Я вполне с ней согласилась. Мы пили чай и болтали,

где-то в районе двадцати трех часов Эля воскликнула: «Нет, я все-таки не понимаю, кто в такое время пойдет покупать себе торшер!».

Однажды я должна была передать одну посылку с незнакомым мне человеком. Весь день мы с ним созванивались, но так и не встретились. История была длинная и запутанная, я ее совсем забыла. Я пришла в общежитие и пошла жаловаться Ире Соловьевой. Я изложила ей все перипетии. Она внимательно слушала и в нужных местах сочувственно кивала головой. Когда я закончила свой монолог, она сказала: «Да какие проблемы? Возьми два стула у нас».

31.12.05.

Однажды я поехала в Питер. Наталия Александровна попросила меня встретиться с ее знакомым по имени Юра, чтобы передать от него деньги его питерской тете. «Ты об этом не пожалеешь», – сказала она загадочно. Юра пришел на вокзал, отдал мне деньги и бумажку с номером телефона. Он сказал: «Отнесите, пожалуйста, деньги ей домой. Вас ожидает сюрприз». Не люблю сюрпризов, но расспрашивать незнакомого человека было неудобно. В Питере я поехала отдавать деньги. Дама жила около гостиницы «Пулковская». Дома у нее был зоопарк. Животные и птицы. Дама, не помню ее имени и отчества, фамилия, кажется, Мейер, провела для меня экскурсию. Особенно меня поразили мармазетки – маленькие обезьянки – на ладони помещается штук пять. За нами по пятам ходил спаниель. Дама прочитала целую лекцию о японском соловье. Сказала, что город обещал ей более приспособленное помещение, чем квартира, но что-то не задалось. Вдруг она меня спросила: «А вы – зоолог?». Я сказала, что нет. Дама резко потеряла ко мне всякий интерес, и мне оставалось только попрощаться.